

Лига
Мечтателей

18+

Оксана Мелевина

Незат Нострадамуса

Мрачное наследие

Печать Нострадамуса

Оксана Пелевина

**Печать Нострадамуса.
Мрачное наследие**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пелевина О.

Печать Нострадамуса. Мрачное наследие / О. Пелевина —
«Издательство АСТ», 2023 — (Печать Нострадамуса)

ISBN 978-5-17-157081-1

Французская столица объята пламенем восстания. Спасаясь от врагов короны, король и его свита бегут из Парижа. Но не всем обитателям Лувра удается покинуть захваченную мятежниками столицу. Настойчивые видения, сулящие смерть невинным душам, заставляют внучку Мишеля Нострадамуса Мадлен Бланкар задержаться в кишасем врагами городе. Однако не только чужая смерть тревожит девушку. Цыганское пророчество предупреждает Мадлен о тройном предательстве, что больно ранит ее сердце и поставит под угрозу свободу и жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157081-1

© Пелевина О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Прочь из Парижа	6
Глава 1. Пустые покои	6
Глава 2. У подножия эшафота	18
Глава 3. Цыганское предсказание	22
Глава 4. Шут и шпага	29
Добро пожаловать в Блуа	35
Глава 5 енщина в белом	35
Глава 6. Поместье Сен-Беар	41
Глава 7. Грехи прошлого	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оксана Пелевина
Печать Нострадамуса. Мрачное наследие

© Текст. Оксана Пелевина, 2023

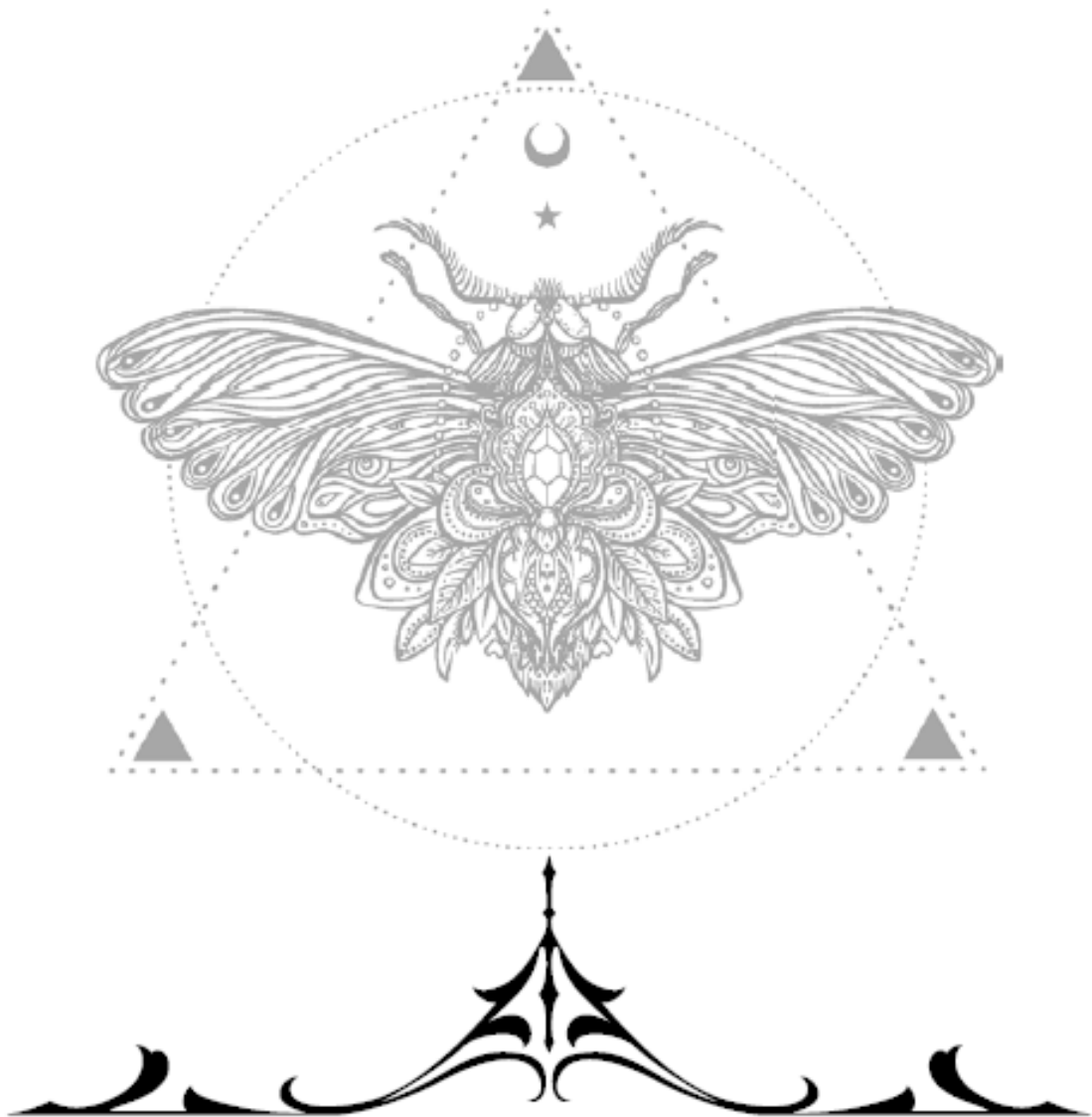
© Иллюстрации. Елена Лямина, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

Прочь из Парижа

*Прошлое страшной окуталось тайной,
И времени жизни ускорился бег.
Любая ошибка теперь не случайна —
Способен исправить ли то человек?*

«Размышления о сущем» Сезар Бордо

Глава 1. Пустые покои

Раскроет тайну только тот, кто книгу целиком прочтёт.

Испанские солдаты, возглавляемые герцогом де Гизом, спешили, держа под уздцы коней. Во взглядах иноземных захватчиков пылала жажда наживы. Им не был интересен

Париж, никого из них не заботила судьба французских подданных. Каждый думал лишь о том, какие из сокровищ королевского дворца попадут в его карманы. Иными мыслями был охвачен лишь Генрих де Гиз. Ступив на крыльцо Лувра, он широко усмехнулся. Его душа ликovala при виде пустого дворца. Он так давно ждал этого момента, что сейчас едва сдерживал безумную радость, накрывавшую с головой. Его главный соперник, король Франции Генрих Валуа, с позором бежал из собственной столицы.

– Слабак, ничтожный человечиска, на чью голову по ошибке легла корона Франции, низвергнут, осмеян и унижен, – во весь голос рассмеялся де Гиз. – Для этой страны наступает новая эпоха, озаменованная моими победами.

Уверенным шагом де Гиз направился вверх по лестнице. За ним двинулись его солдаты. В это время, в смятении прижавшись к окну, за ним наблюдала Мадлен. Её сердце тревожной беспомощной пташкой трепетало в груди. «Мне не выбраться из Лувра через парадный ход, – понимала Мадлен. – А попадаться на глаза солдатам де Гиза и ему самому сейчас подобно смерти. Что же делать?» Где-то на первом этаже королевского дворца уже стучали о мраморный пол сапоги испанских солдат. Угрожая расправой перепуганной прислуге, они срывали с дверей засовы и, заглядывая в каморки, проверяли, не осталось ли в Лувре кого-то из господ. Прижимая к груди дневник Нострадамуса и стараясь не стучать каблучками по полу, Мадлен бежала по коридору верхнего этажа. Оглушаемая ударами собственного сердца, девушка в панике металась от одной двери к другой. «Нужно найти укрытие... Спрятаться, но где?» В соседнем коридоре послышалась испанская речь. «Они идут сюда!» – задрожав, поняла Мадлен. Уже не веря в своё спасение, девушка рванула к ближайшей двери и, распахнув её, забежала в чьи-то покои. Ворвавшись в комнату, Мадлен прижалась спиной к закрытой двери, прикрыла глаза и прислушалась. Странно, но шаги испанских солдат будто стихли. «Быть может, они свернули в другой коридор?» Распахнув глаза, девушка попыталась осмотреть комнату, в которую попала, но вдруг заметила, что сделать это ей мешает окутавший покои сумрак. «Отчего здесь так темно, словно ночью?» Окна занавешивали тяжёлые шторы, но Мадлен была готова поклясться, что, прищурившись, видела за ними очертания луны. Вдруг на кровати, до того казавшейся пустой, кто-то зашевелился. Закрыв рот ладонью, девушка негромко вскрикнула. «Здесь кто-то есть!» Моргая и всматриваясь в тёмные очертания, Мадлен рассмотрела спящего в кровати темноволосого юношу. Его лица она не видела, но понимала, что он молод. Тяжело дыша, юноша метался по подушке, попав в лапы кошмара. Порой, размыкая пересохшие губы, он едва слышно шептал:

– Мама-а-а... Не прощу их... Не прощу...

В растерянности стоя подле двери, Мадлен пыталась найти объяснение происходящему. «Наверное, ему нездоровится, поэтому он не знает, что весь двор покинул Лувр. Неужели его просто забыли здесь одного?» В коридоре вновь послышались чьи-то шаги. Перепуганная девушка аккуратно приблизилась к кровати и, протянув руку к юноше, коснулась его плеча.

– Проснитесь, проснитесь. Во дворце небезопасно, его захватили сторонники де Гиза. Месье, проснитесь же!

Но юноша не слышал её слов. Когда шаги приблизились к двери комнаты, Мадлен, не видя иного укрытия, наклонилась и юркнула под кровать, подбирая юбки своего платья. В эту минуту дверь тихо отворилась. В покои, ступая как можно тише, вошли несколько мужчин. Лёжа под кроватью, Мадлен не могла рассмотреть ни их лиц, ни их одежд. Взгляд девушки касался лишь мужских сапог – они не принадлежали солдатам. То была обувь аристократов. Окружив спящего юношу, мужчины встали по обе стороны от кровати. О том, что происходило дальше, девушка догадывалась лишь по звукам. Мужчины одновременно выхватили из-за пояса короткие клинки.

– Смерть иноверцу! – выкрикнули они.

Юноша открыл глаза и коротко вздохнул:

– Ах!

В следующую секунду его тело пронзили сразу несколько острых кинжалов. Юноша даже не успел издать крик боли. Тихо захрипев, он захлебнулся кровью. А убийцы вновь и вновь наносили ему страшные раны. Поражённая их жестокостью, Мадлен едва не лишилась чувств. Её тело похолодело от ужаса, глаза наполнились слезами. Сжав кулаки, девушка изо всех сил старалась не издавать ни звука. «Если меня найдут, моя участь будет не лучше». Убедившись, что юноша мёртв, убийцы убрали клинки и попятились к выходу. Когда они, приоткрыв дверь, покидали покои, Мадлен заметила, что всё это время с обратной стороны стояла хрупкая женская фигурка. «Кто эта девушка? Она заодно с убийцами? Почему все они всё ещё в Лувре? Почему не опасаются испанских солдат? И почему здесь всё ещё так темно?!» Дверь тихо притворилась. А Мадлен, не в силах пошевелиться ещё некоторое время, неподвижно лежала под кроватью мертвеца. Наконец, когда тело начало затекать, девушка поняла, что пора выбираться. Осторожно и медленно она выползла из-под кровати, поднялась на ноги, боясь увидеть окровавленное мёртвое тело, обернулась к постели юноши и... Не сдержав ужаса, вскрикнула, отскочив к двери.

Устремив взгляд к окну, юноша сидел на кровати спиной к Мадлен. Его руки скользили по оголённой груди. Простыни и одеяла, лежавшие на кровати, были пропитаны его кровью. Но юноша держался прямо и вовсе не походил на того, кто лишь недавно был пронзён кинжалами убийц.

– Кто ты? – задыхаясь от страха, больше выдохнула, чем произнесла, Мадлен.

Но юноша не обернулся. Он будто вовсе не слышал её голоса, словно не догадывался, что он здесь не один. Он поднялся на ноги и медленно подошёл к окну. Одним рывком отодвинул штору. За ней синела ясная лунная ночь.

– Как такое возможно? Когда успело сесть солнце? – уже громче спросила девушка. Юноша продолжал молчать. Сняв с себя рубашку, он бросил её на пол. В лунном свете Мадлен отчётливо видела на ней рваные дыры от ударов клинками и яркие пятна алой крови. Расправив плечи, юноша развёл руки в стороны, не отнимая взгляда от луны.

– Я знаю, что это ты спас меня, – обратился он к тому, кого здесь не было, – а значит, я нужен тебе. Я помню о нашей сделке и не подведу тебя.

Опустив руки, юноша начал оборачиваться к двери. Ещё мгновение, и Мадлен увидела бы его лицо, но... в ту секунду, когда взгляд юноши должен был коснуться её, мир вокруг изменился. За окнами, как и положено, разливался дневной свет. По комнате были разбросаны чьи-то вещи, в спешке забытые сбежавшими из Лувра хозяевами. Кровать заправлена. А юноша... его не было. Покои, в которых стояла Мадлен, были совершенно пусты. Не понимая, что происходит, девушка крутила головой, пытаясь найти следы былой картины.

– Что это было?! – с тревогой думала она.

Во рту пересохло, и Мадлен почувствовала лёгкое головокружение. Такое уже бывало с ней раньше после видений. Но прежде она всегда знала, что заглядывает в прошлое или будущее, а сейчас всё было совсем иначе. Она будто бы сама переступила завесу времени. Но где ей довелось побывать, в прошлом или будущем, Мадлен не знала. «Неужели всё это было моим видением? Но кто этот юноша, что сумел выжить после нападения убийц? И к кому он обращался, стоя у окна?» Душу царапнуло дурное предчувствие. Девушка знала лишь об одном существе, способном совершать небывалые чудеса.

– Абракасас, – прошептала Мадлен. – Лишь сделка с ним могла даровать юноше жизнь.

Всё ещё не в силах совладать с мелкой дрожью, окутавшей тело, девушка выглянула в коридор. Повернув голову в сторону, Мадлен столкнулась взглядом с молодой служанкой. Колет, девушка, по утрам наполнявшая господам кувшины с водой, побледнела, увидев Мадлен.

– Мадемуазель, вам нельзя показываться им в таком виде, – залепетала служанка. – Я слышала, как солдаты, что пришли во дворец, говорили о том, какие ужасные вещи сделают с теми, кто не успел покинуть Лувр. О, мадемуазель...

Мадлен, и без того едва стоявшая на ногах от ужаса, оперлась рукой о стену, чтобы не повалиться на пол. Сжалившись над ней, Колет оглянулась по сторонам и негромко попросила:

– Оставайтесь здесь, мадемуазель, я скоро вернусь.

Спустя некоторое время девушка, как и обещала, вновь отыскала Мадлен.

– Вот, возьмите это, переоденьтесь, – протягивая грязное платье, видимо, принадлежавшее одной из кухарок, произнесла Колет. – В этом они примут вас за прислугу. А нас они пока не трогают, если мы не сопротивляемся.

В глазах служанки проступила печаль, и она потупила взгляд. «Прислуге тоже приходится несладко, – догадалась Мадлен. – Испанские солдаты не знают пощады и делают с пленниками всё, что захотят. Юным девушкам, таким, как Колет, приходится хуже всего. Солдаты видят в них лёгкую добычу».

Попытавшись прогнать тяжёлые мысли, Мадлен с благодарностью приняла платье из рук Колет.

– Спасибо, – протянула Мадлен и, вновь взглянув на служанку, добавила: – Тебе нужно бежать отсюда. Пока повсюду царит хаос, ещё есть возможность выбраться из города.

– Мне некуда бежать, мадемуазель. Всем, кто остался в замке, пойти некуда.

– Что же вы будете делать?

– Останемся здесь и будем надеяться на милость нового короля.

– Де Гиз не король – он мятежник и узурпатор.

– Для нас, мадемуазель, тот, кто сидит на троне, уже король, – заметила Колет.

– Вы будете прислуживать де Гизу и его людям? – удивилась Мадлен.

– Да, мадемуазель, если они позволят.

«Простых жителей Франции не интересуют политические игры королей, – с досадой поняла Мадлен. – Им всё равно, кто сидит на троне. Лишь бы у них были кров и пища. Но нельзя их в этом упрекать. Их жизнь – борьба за выживание. И им нет дела до политических интриг».

Прошмыгнув в соседние покои, Мадлен распустила шнуровку и стянула с себя платье из нежной струящейся ткани. Без сожаления бросив его на кровать, девушка надела старое потрёпанное одеяние королевской прислуги. «Теперь во мне сложно признать фрейлину королевы, оно и к лучшему», – подумала Мадлен. Когда девушка выглянула в коридор, Колет уже не было видно. С трепещущим сердцем Мадлен вышла из покоев и, опустив голову, направилась вниз по лестнице. С каждым новым шагом тревога в груди становилась сильнее. Девушка слышала громкие шаги испанских солдат, различала иностранную речь. «Мне бы только выбраться из Лувра, – подумала девушка, но уже в следующую секунду одёрнула себя. – Я должна отыскать Фабьена и спасти Калеба от виселицы. Но как? Сейчас я не знаю, как уберечься самой, но всё же надеюсь сохранить чужие жизни».

Спустившись на первый этаж, девушка впервые столкнулась лицом к лицу с испанским солдатом. Мадлен затрепетала, вжимаясь в ближайшую стену. Суровый мужчина поднял на неё недовольный взор и, коверкая французские слова, оглушительно рявкнул:

– Почему не на кухне?! Велено накормить гарнизон. Живо за работу, девка!

Испуганно кивнув головой, Мадлен поспешила в сторону кухни. «Не тронул, отпустил – уже хорошо». Поворачивая за угол, чтобы скрыться от глаз солдата, девушка, оторопев, замерла на месте. В сторону тронного зала гордо шествовал герцог де Гиз в сопровождении своей свиты. В ней Мадлен с удивлением рассмотрела испанского посла. «Видимо, сбегая из дворца, король забыл отдать приказ касательно пленных. А де Гиз, заняв Лувр, первым же делом освободил Алехандро», – размышляла девушка. Тем временем новый хозяин коро-

левского двора вошёл в тронный зал. Когда двери за ним закрылись, Мадлен попыталась на цыпочках прокрасться в сторону чёрного хода. Но вдруг чья-то тоненькая ручка поймала её за запястье. Резко обернувшись, девушка столкнулась взглядом с худенькой девочкой лет двенадцати. Трясущимися руками она держала полный кувшин вина. Наконец, набравшись смелости, девчонка испуганно покосилась на двери тронного зала и тихо прошептала:

– Мне приказали принести господам вина. Но... Но я... Я... – девочка заикалась, норовя расплескать содержимое кувшина. – Но я очень боюсь входить туда. Не могла бы ты... Ты... За... Ме... Ня... Меня...

– Отнести вино герцогу вместо тебя? – закончила за девчушку Мадлен.

Не сумев ответить, девочка активнее, чем было нужно, закивала головой. Мадлен на миг призадумалась. «Мне бы не хотелось попадаться на глаза де Гизу и его людям. Герцог, конечно, вряд ли вспомнит меня, чего нельзя сказать об Алехандро. Но как я могу отказать этому юному созданию? Девочке нельзя входить в тронный зал. Кто знает, что на уме у солдат де Гиза?..» Мысленно отчитав себя за излишнюю сердобольность, Мадлен протянула ладони и взяла кувшин из рук девчонки.

– Иди на кухню, я всё сделаю, – пообещала Мадлен.

На бледном взволнованном лице девочки проступило подобие улыбки.

– Спасибо... Спа... Си... Спаси... Бо.

Сделав глубокий вдох, Мадлен опустила голову, надеясь таким образом скрыть своё лицо. Собравшись с духом, девушка плечом толкнула тяжёлую дверь и прошмыгнула в тронный зал. Взяв стоявшие на столике бокалы, девушка разлила вино. Поставив бокалы на поднос, она медленно двинулась сквозь толпу собравшихся. Мужчины совершенно не обращали внимания на присутствие служанки. Кто-то брал с подноса вино, кто-то отказывался. Но никто из них не видел в девушке угрозы и не пытался выпроводить её вон. Меж тем де Гиз, усмехнувшись, прошёлся по залу и поднялся к трону, который недавно занимал Генрих Валуа. Усевшись на место короля, герцог с удовольствием провёл руками по подлокотникам и заговорил.

– Поздравляю, друзья, побег короля из столицы – это наша общая победа! Все вы показали себя истинными воинами и католиками. Особую благодарность мы должны выразить подданым испанской короны. Именно с поддержкой короля Филиппа, его солдат и посла мы сумели отбить Париж.

Пока герцог, наслаждаясь своим триумфом, толкал ободряющую речь, Мадлен отыскивала взглядом Алехандро. Скрестив на груди руки, месье Ортега внимательно ловил каждое слово герцога. «Алехандро улыбается, но теперь я понимаю, что он делает это слишком фальшиво. Если испанская корона отдаст приказ, он с лёгкостью предаст и де Гиза», – подумала Мадлен. Меж тем де Гиз продолжал:

– Моя следующая цель – свержение Генриха Валуа с французского престола.

Негромко откашлявшись, чтобы привлечь к себе внимание герцога, Алехандро сделал шаг в направлении трона:

– Прошу прощения, но, насколько мне известно, законно отнять корону у Генриха могут лишь Генеральные Штаты. Для тех, кто, может быть, подзабыл, напомню – это объединение представителей разных сословий, имеющих власть над монархом. Только они единогласным решением вправе лишит короля власти. И всё бы ничего – уверен, мы могли бы это устроить. Но проблема в том, что созвать Генеральные Штаты может лишь сам король. А я сомневаюсь, что Генрих пойдёт на этот шаг.

– Духовенство поддержит нас, – заявил де Гиз, – Католическая Лига сумеет надавить на Штаты и заставить их собраться по воле Генриха или вопреки ей.

– Вы думаете, Генрих так легко отдаст вам корону, даже если такой вердикт вынесут Генеральные Штаты? – с лёгкой ухмылкой поинтересовался Алехандро.

– Генрих наверняка будет сопротивляться, – поморщившись, ответил герцог. – Если он пойдёт на нас войной, устоять будет непросто. Его армия велика, пусть и разбросана сейчас по всей Франции. Поэтому лучшим вариантом для нас станет смерть Генриха.

– И кто, по-вашему, сумеет организовать покушение на короля? – с неподдельным интересом спросил Алехандро.

Но герцог лишь усмехнулся, глядя на испанского посла с долей снисходительности.

– А этого, Алехандро, я вам не скажу. Знайте лишь одно – та, кто много лет желает отомстить Генриху за все свои страдания, уже готовится нанести ему удар.

«Та? Де Гиз говорит о женщине?» – протискиваясь мимо двух грузных мужчин, стоявших недалеко от трона, задумалась Мадлен.

– Хорошо, допустим, ваш план удастся, – продолжал Алехандро. – Но после Генриха на трон Франции по праву престолонаследия взойдёт Наваррский. Неужели вы так просто отдадите корону протестанту?

– Никогда! – вскочив на ноги, взревел де Гиз. – Этот выродок даже близко не посмеет подступить к французскому престолу!

– И что же ему помешает это сделать? – усмехнулся Алехандро.

– Страх, – тихо и гневно прошипел герцог. – Я заставлю его бояться меня, заставлю трепетать от одного моего имени.

– Признаться, ранее я не замечал за Наваррским подобного поведения, – Алехандро не боялся показать де Гизу своего сомнения.

– То было раньше, месье Ортега. Поверьте, у меня есть рычаги, потянув за которые, я смогу загнать Наваррского в угол, – немного успокоившись, де Гиз вновь опустился на трон.

Передав очередной бокал одному из советников герцога, Мадлен поняла, что поднос опустел. «Мне пора уходить». Стараясь не привлекать к себе внимания, девушка аккуратно начала протискиваться к выходу. Почти дойдя до двери, Мадлен почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Понимая, что совершает ошибку, она оглянулась. Как она и думала, стоя подле де Гиза, на неё смотрел Алехандро. Испанец узнал фрейлину, но ни словом, ни жестом не выдал её. Опасаясь дольше оставаться в тронном зале, девушка выскользнула в коридор. Сделав несколько шагов в направлении кухни, откуда можно было выбраться из замка через чёрный ход для прислуги, Мадлен едва не повалилась на пол. С диким яростным шипением ей под ноги бросился чёрный пушистый комок.

– Ай! – с трудом удержав равновесие, девушка поняла, кто едва не стал причиной её падения.

«Базиль, дворовый кот, что обосновался в комнате королевского лекаря». И, действительно, вздёрнув усы и прижав уши, рядом с Мадлен шипел чёрный кот с яркими зелёными глазами. Присев возле него, Мадлен осторожно протянула к нему ладонь:

– Мальчик, тише, тише, кто же тебя так напугал? – ласково заговорила с котом девушка. Но ответ на её вопрос подоспел быстрее, чем Мадлен успела коснуться чёрной взъерошенной шерсти. В коридоре Лувра раздался оглушительный выстрел. Стоявшая рядом с девушкой ваза моментально разлетелась вдребезги. Зажав руками уши, девушка испуганно втянула голову в плечи. В этот момент, держа в руках дымящийся мушкет, из-за поворота вылетел взбешённый испанский солдат. Грязно ругаясь, он целился в Базиля.

– Пристрелю, тварь пушистая!

Не отдавая себе отчёт в собственных действиях, Мадлен вдруг вскочила на ноги, закрывая собой кота.

– Прошу вас, месье, не трогайте его. Чем он мог вас так обидеть?

Воспользовавшись моментом, кот рванул в сторону и шмыгнул в нишу за ближайшей статуей. Понимая, что теперь не сможет добраться до животного, испанец зло сверкнул глазами,

решив выместить свою злость на служанке, помешавшей ему свершить расправу над котом. Не пряча мушкет, он медленно двинулся на девушку.

– Зря ты попалась мне на пути, французская дрянь! – с сильным акцентом прорычал солдат.

Колени фрейлины затряслись, сердце застучало чаще. «Он не в себе, пристрелить служанку ненавистного де Гизу короля для него ничего не стоит», – в ужасе понимала Мадлен. Девушка осторожно попятилась. Но испанец в пару шагов нагнал её и одной рукой крепко схватил за запястье.

– Убью, мерзавка! – брызжа слюной, закричал солдат.

Забыв, как дышать, фрейлина затряслась. Её глаза широко распахнулись, а губы, подрагивая, шептали:

– Я не сделала ничего дурного, месье, прошу, отпустите...

Словно не слыша её, солдат продолжал грозить девушке мушкетом. Зная, что в нём уже нет пороха, испанец крепко схватил оружие за ствол и замахнулся тяжёлой рукоятью. Но за секунду до того, как проломить девушке череп, мушкет был перехвачен чьей-то рукой.

– А ну прочь, солдат! – рядом с Мадлен внезапно возник Алехандро.

Выхватив оружие из рук растерявшегося испанца, посол швырнул мушкет на пол. Что-то грозно проговорив солдату на испанском, месье Ортега заставил мужчину немедленно скрыться с его глаз. Обернувшись к перепуганной фрейлине, Алехандро тихо спросил:

– Вы в порядке, мадемуазель Бланкар?

– Теперь да, – так же тихо ответила Мадлен.

Слегка приобняв девушку за плечи, Алехандро отвел её в одну из пустующих королевских гостиных. Убедившись, что их не подслушивают, посол произнёс:

– Теперь мы можем поговорить, – серьёзно заявил Алехандро и поднял на девушку внимательный взгляд. – Мадлен, что вы до сих пор делаете в Лувре?

– Я не успела уехать с остальным двором.

– Это большая ошибка, – произнёс Алехандро.

Теребя руками край испачканного платья, Мадлен осторожно спросила:

– Вы сдадите меня людям де Гиза?

– Если бы я хотел этого, пошёл бы на этот шаг ещё в тронном зале, – будто бы обиженно сказал Алехандро. – Не бойтесь, Мадлен, я не выдам вас.

– Но почему? Вы должны быть злы на меня. Это же из-за меня король узнал о вашей помощи де Гизу.

– Я не держу на вас зла, Мадлен. Вы поступили так, как и полагается верной подданной Его Величества. В конце концов, все мы слуги наших королей.

– В таком случае, вы позволите мне уйти из замка?

Алехандро поджал губы, в сомнении поиграв бровями.

– Понимаете ли, Мадлен, это очень удачно, что вы задержались в Лувре, – издали начал Алехандро. – Теперь, в силу сложившихся обстоятельств, я могу просить вас о помощи. А вы вряд ли сумеете отказать.

– Дайте угадаю, Алехандро, если я попытаюсь отказать, вы будете настаивать, верно?

– Боюсь, что так, Мадлен.

– О какой помощи вы ведёте речь?

Взгляд Алехандро забегал из стороны в сторону, а движения стали заметно резче. «Он волнуется, – поняла девушка. – Никогда прежде не видела, чтобы столь искусный дипломат позволял эмоциям взять над собой верх». Наконец, взяв себя в руки, Алехандро вновь устремил на Мадлен цепкий взгляд тёмных, почти чёрных глаз.

– Королева Луиза до сих пор заключена в темнице, что находится под Лувром, – стараясь выглядеть спокойным и рассудительным, проговорил посол. – В спешке покидая дворец, Генрих не удосужился взять с собой супругу, что недавно отправил под замок.

Во взгляде испанца всего на долю секунды мелькнуло презрение в адрес короля.

– Луиза в опасности. Де Гиз хочет использовать её как приманку для Генриха. А также, я уверен, не упустит случая поглумиться над королевой Франции. Вы должны помочь Луизе сбежать, – прямо заявил Алехандро.

– Я? Помочь королеве? Но как? Если вы заметили, мне самой пока не удалось покинуть дворец, – ответила Мадлен.

– Я подскажу вам, как выбраться из замка. Но прежде дайте мне слово, что не уйдёте отсюда без королевы, – взмолился Алехандро.

Слегка склонив голову набок, Мадлен по-новому взглянула на испанского посла. Его грудь тяжело вздымалась, зрачки расширились, девушка догадалась:

– Она вам небезразлична. Чем бы изначально ни был ваш роман с королевой – сложным политическим ходом или обычной игрой, сейчас вы понимаете, что воспылали к Её Величеству настоящими искренними чувствами. Вы боитесь за неё, Алехандро, а значит, дорожите ею.

Мадлен была готова увидеть усмешку на лице посла, услышать опровержения её слов. Но вместо этого мужчина поник головой. Крепко зажмурившись, он сделал глубокий вдох и на выдохе произнёс:

– Вы правы, Мадлен. Проницательности вам не занимать. Королева Луиза попала в немилость короля по моей вине. И теперь мой долг, как мужчины, вызволить её. Но сейчас я нахожусь под пристальным вниманием герцога, а потому незаметно проникнуть в темницу не могу.

– Как же, по-вашему, это могу сделать я?

– Вы выбрали верный способ скрыться ото всех, оставаясь при этом на виду. Пока вас принимают за служанку, никто не видит в вас угрозы. Вы можете спуститься в подвалы, делая вид, что принесли воды пленнице, и никто ничего не заподозрит.

– Проникнуть в темницу – это половина дела. Как мне вызволить королеву? А, самое главное, как потом покинуть Лувр?

– Я научу вас, как открыть клетку. А выбираться из замка придётся потайными путями.

– Как это?

– Станет ли для вас откровением тот факт, что под замком находится целый лабиринт подземелий? – загадочно уточнил Алехандро.

Вспомнив о страшном ночном госте, проникшем однажды в её покои из-за стены, Мадлен поёжилась.

– Я знаю об этом.

– Тем лучше. Из Лувра вам придётся выбираться через подземелье.

– Но как? У вас есть карта? Или вы знаете, как ориентироваться там, внизу? – удивилась Мадлен.

– Боюсь, что нет, мадемуазель. Я совершенно не представляю, как устроены пути под замком. Вам придётся отыскать путь самостоятельно.

Мадлен покачала головой.

– Нет, это невозможно.

– Жизнь порой заставляет нас проявлять недюжинную смекалку. Это именно тот случай.

Понимая, что испанский посол загнал её в угол, девушка прикрыла глаза, коснувшись пальцами висков. «Угораздило же меня встретиться с этим манипулятором! С другой стороны, королеве действительно не место в захваченном Париже. Но почему её спасение ложится на мои плечи? Мне нужно спешить. Где-то там умирает Фабьен, и кто знает, что сейчас творится с Каледом». Наконец, распахнув глаза, девушка устремила на Алехандро решительный взор.

– Хорошо, будь по-вашему. Но действовать нужно быстро – немедленно!

– Мне нравится ваш настрой, Мадлен. Я и сам не вижу смысла медлить. Идите на кухню и возьмите воды и кусок хлеба. Затем по лестнице, что в правом крыле, спускайтесь вниз. Возьмите факел и идите по узкому коридору, он приведёт вас в королевские казематы. Де Гиз уже отдал приказ своим солдатам занять все посты в замке. В королевских казематах стоят воины Католической Лиги – французы, поддерживающие герцога. Но королевскую темницу стережёт сеньор Освальдо Перпетуа – один из командующих испанским гарнизоном.

– Как мне это поможет? – поинтересовалась Мадлен.

Недолго думая, Алехандро снял с груди свой медальон и протянул его девушке.

– Покажите Освальдо эту вещицу, он сам всё поймёт.

– Звучит ненадёжно.

– Род Ортега хорошо известен каждому высокопоставленному испанцу. Сеньор Перпетуа когда-то попал на службу к королю благодаря протекции моего отца. Думаю, он помнит об этом. А потому окажет вам услугу, увидев в ваших руках мой медальон.

Мадлен продолжала сомневаться. Затея Алехандро казалась ей слишком рискованной и непродуманной. «Придётся полагаться лишь на удачу».

– Спешите, Мадлен. Боюсь, совсем скоро де Гиз вспомнит о королеве и отправит за ней своих людей.

Понимая, что Алехандро прав, девушка направилась на кухню. Как и просил испанец, Мадлен взяла со стола кувшин с водой и чёрствый ломоть хлеба. А затем отправилась к темницам. Дойдя до узкого мрачного коридора, девушка поёжилась. «Я и не знала, что под замком держат заключённых. Думала, все они содержатся в Бастилии. Интересно, там, внизу, пытали кого-нибудь? Наверняка пытали. Пока сверху гремели балы, внизу царили боль и смерть. В этом и состоит вся суть королевских семей». Чтобы не заблудиться, девушка сняла со стены факел и, освещая путь, направилась вниз. У входа в темницы, бряцая оружием, стояло двое молодых французов. «Воины Католической Лиги», – поняла Мадлен. Бросив на девушку скорее удивлённый, нежели недовольный взгляд, один из них поинтересовался:

– Чего ты здесь забыла?

– Мне было велено принести ужин для королевы.

Воины де Гиза усмехнулись:

– Хорош же ужин. У нас бы этой чёрствой коркой и свинью бы не накормили. Ну да поделом распутной королеве. Пусть узнает, как живёт умирающий от голода народ за пределами Парижа.

Сдвинувшись в сторону, воины пропустили девушку вперёд. Пытаясь унять дрожь и удержать поднос, Мадлен прибавила шаг. Наконец, заметив испанского солдата возле одной из темниц, девушка остановилась. Сверкнув глазами, мужчина что-то рявкнул по-испански. «Если он не говорит по-французски, это может стать проблемой». Слегка приподняв поднос, девушка кивнула в сторону ближайшей клетки. Нахмутив брови, испанец ненадолго задумался, а после сделал шаг в сторону, открывая девушке путь. Глубоко вздохнув, Мадлен подошла к решётке.

– Ваше Величество, вы здесь? – прошептала она в темноту.

В глубине темницы зашелестело пышное платье, и спустя пару мгновений к решётке приблизилась королева. Она была бледна. Волосы слегка растрепались, но, несмотря на своё незавидное положение, Луиза продолжала высоко держать голову. Увидев свою фрейлину в платье простой служанки, Луиза немало удивилась и, поманив девушку ближе, зашептала:

– Что происходит, Мадлен? Мне ничего не говорят. Почему ты в этой одежде?

– Ваше Величество, король и придворные покинули Париж. Город захвачен войсками де Гиза.

– Так я и думала, – опечалилась Луиза. – Герцог уже в Лувре? Это его солдаты повсюду?

– Да, королева.

– Что ж, видимо, мой драгоценный супруг решил обречь меня на роль пленницы, отдав в руки своего врага. Как же унизительно.

– Ваше Величество, меня прислал к вам месье Ортега, чтобы помочь вам бежать, – кротко произнесла Мадлен, молясь, чтобы испанец действительно не понимал их языка.

Слова девушки заинтересовали королеву. Её взгляд заметно оживился.

– Алехандро? Он в безопасности?

– Месье Ортега на хорошем счету у герцога де Гиза. Но прийти сюда сам не может.

– Как же ты меня вызволишь?

Вместо ответа девушка обернулась к испанскому солдату.

– Вы ведь сеньор Освальдо Перпетуа?

Услышав своё имя из уст служанки, испанец насторожился.

– ¿Cómo lo sabes?¹

Не уверенная в том, что спросил солдат, девушка потянулась к мешочку, спрятанному под её передником. Испанец, нахмурившись ещё сильнее, крепче перехватил алебарду. «Надеюсь, он не захочет ею воспользоваться», – испугалась Мадлен. Быстро отыскав медальон Алехандро, девушка на раскрытой ладони протянула его солдату.

– Эту вещь дал мне сеньор Алехандро Ортега, – Мадлен намеренно растягивала имя посла, чтобы испанец сумел его расслышать. – Он сказал, вы всё поймёте.

Слова служанки были для испанца пустым звуком незнакомого ему языка. Но имя рода Ортега и протянутый девушкой медальон заставили его призадуматься. Приподняв бровь, он вопросительно взглянул на Мадлен и убрал руку с алебарды. «Кажется, он готов слушать». Вытянув руку, девушка указала на решётку, за которой томилась королева.

– Прошу, откройте темницу, – попросила Мадлен и пальцем ткнула в тяжёлый замок.

Подумав, испанец снял с пояса связку ключей и, приподняв её, показал девушке.

– Да, да, – закивала Мадлен, – Всё верно.

Испанец понял её, но выпускать пленницу не спешил. Боясь, что солдат не выполнит её просьбы, девушка занервничала. И вдруг ей вспомнилась одна фраза, что когда-то попадалась в старом трактате, написанном на латыни. Вновь показав испанцу медальон, Мадлен произнесла:

– Ogni dato vuol il mandato.²

Солдат, покачав головой, усмехнулся. «Кажется, и ему знаком мёртвый язык», – с облегчением выдохнула Мадлен.

Подбросив на руке связку ключей, солдат шагнул к темнице и отпер дверь.

– Ну наконец-то, – отряхивая платье, на свет вышла Луиза.

– Спасибо, сеньор, – кивнув, обратилась к солдату Мадлен.

Тот лишь кивнул и быстрым шагом направился туда, где стояли в карауле воины де Гиза. Мадлен не успела и подумать, для чего сеньор Перпетуа отправился к французам, как из-за угла раздался шум борьбы и крики французских солдат. Королева замерла на месте, а Мадлен испуганно вздрогнула. Спустя пару минут испанец вернулся, жестом приглашая дам к выходу. Когда же Мадлен завернула за угол, она увидела, что воины де Гиза без сознания лежат на полу. «Сеньор Освальдо расчистил нам путь для побега», – поняла девушка. Ещё раз произнеся слова благодарности, Мадлен вместе с королевой направились вверх по лестнице.

По первому этажу Лувра разносились гулкие шаги испанских солдат. Притаившись за дверью, королева, не желая выдавать своего волнения, спросила:

– Как мы покинем замок?

– Это самая сложная часть нашего плана, Ваше Величество. Нам придётся бежать через тайный ход в моих покоях.

¹ Откуда ты знаешь? (*исп.*)

² Долг платежом красен (*лат.*)

– Это безопасно?

– Не думаю, Ваше Величество.

Тяжело вздохнув, Луиза нахмурилась.

– Ладно, оставаться в Лувре сейчас – худшая из затей. Если у нас есть хоть один шанс покинуть этот проклятый замок – воспользуемся им.

Решительность королевы будто придала Мадлен сил. «Никогда бы не подумала, что Луиза та ещё авантюристка». Дождавшись, пока ближайший коридор опустеет, дамы, подхватив юбки, побежали к лестнице, а затем, миновав её, свернули в крыло, где располагались спальни фрейлин.

Вбежав в покои Мадлен, дамы прикрыли за собой дверь.

– Какой здесь беспорядок! – возмутилась королева, глядя на хаос, творившийся в спальне девушки. – Кто-то посмел рыться в твоих вещах?

– Да, Ваше Величество. И, боюсь, это произошло ещё до того, как воины де Гиза захватили замок.

Луиза зло прищурилась, глядя куда-то вдаль.

– Знакомый почерк. Уверена, что знаю, кому он принадлежит. Шико – этот мерзкий шут частенько копается в чужом исподнем.

– Вы думаете, это сделал он?

– Почти уверена в этом. Вопрос лишь в том, что ему понадобилось в твоих покоях.

– У меня пропала одна вещь.

– Ценная?

– Опасная. Письмо моего дедушки, раскрывающее правду о моём происхождении, – честно ответила Мадлен.

– Хм, любопытно. Откуда Шико мог прознать об этом? Хотя удивляться здесь нечему, он всегда суёт свой нос в чужие тайны, – фыркнула королева, а затем с сожалением взглянула на фрейлину. – Но, если письмо попало ему в руки, боюсь, твоя тайна скоро дойдёт до короля.

Заметив, что от её слов девушка сжалась в комок, Луиза решила сменить тему.

– Сейчас не время для сожалений. Показывай, где тот тайный ход, о котором ты говорила. Опомнившись, Мадлен кивнула на тяжёлый шкаф, стоявший у стены.

– Он там.

– Нам придётся самим сдвинуть его?! – нахмурив брови, Луиза недовольно осматривала шкаф.

– Помощников у нас сейчас нет, – заметила девушка.

Пока королева сосредоточенно обходила со всех сторон деревянного великана, Мадлен повернула голову в сторону и заметила на одном из гобеленов странные царапины. «Что это такое? И почему я не замечала этого раньше?» – подумала девушка. Ведомая странным любопытством, Мадлен подошла к стене. Присмотревшись, провела рукой по загадочным отметинам. «Рядом вход в потайной ход, думаю, эти царапины оставил оккультист, что напал на меня». Едва девушка поняла это, очертания комнаты начали меняться. «Нет! Нет, прошу, только не сейчас...» – успела подумать фрейлина, прежде чем её сознание изменилось. Мир вокруг Мадлен погрузился в вязкую мутную тьму. Картинка долго не менялась. И когда девушку начал окутывать липкий страх, тьма начала рассеиваться. Теперь Мадлен отчётливо видела стены старого монастыря. Внутри было сыро и безлюдно. По мрачным коридорам гуляли сквозняки, а на сгнивших деревянных полках истлевали повреждённые временем пергаменты. Вдруг впереди мелькнула чья-то тень. Бледная рука коснулась старого стола и подхватила книгу, что давно покоилась там. Спустя мгновение в голове девушки зазвучал низкий мужской голос. «Долгие годы я искал эту книгу и наконец нашёл. Итальянский монах, потерявший рассудок, писал в ней о своей связи с Абраксамом – богом времени, пространства и всего сущего. Он звал его. И монах откликнулся на божественный зов. В скале, вокруг которой

плещутся волны, он создал великий алтарь. Но не смог вынести связи с Абраксамом и однажды бросился на скалы. Прочтя записки монаха, я понял, что нашёл своего Владыку. И я был не один в своей верности ему. Нас было тридцать три, мы являли собой число бесконечности.

Отдав себя во власть нашему богу, мы сделали всё, чтобы Абракас мог явиться в наш мир. В час, что был обозначен, по собственной воле мы принесли в жертву свои жизни во славу его. Но нам не хватило сил. Абракас не смог обрести в нашем мире достойное тело, и дух его поселился в камне. Но даже заточённый внутри статуи, он способен на многое. Владыка вернул нас к жизни, поместив в прежние тела. С тех пор мы преданно служим нашему богу, делая всё, чтобы однажды он обрёл плоть и кровь».

Видение начало меркнуть. Но прежде чем испариться полностью, оно показало лицо того, кто всё это время скрывался в тени. Высокий мужчина, склонившись над книгой, кутался в тёмные свободные одежды. Мадлен узнала его. Перед ней стоял тот, кто однажды ночью ворвался в её покои и вырезал странные символы на её руке. Но там, в стенах заброшенного монастыря, он был ещё жив, в его груди билось человеческое сердце. Видение рассеялось. Придя в себя, девушка поняла, что лежит на полу. Над ней, склонившись, стояла королева Франции и с широко раскрытыми от страха глазами то и дело ударяла её по щекам.

– Очнись же, Мадлен! Очнись! – повторяла Луиза.

– Ваше Величество, остановитесь, – останавливая занесённую для нового хлопка руку королевы, прошептала Мадлен.

– Пресвятая Дева Мария, ты жива! – воскликнула Луиза. – Тебе стало дурно?

– Пожалуй, что так, – не желая рассказывать о видении, ответила девушка.

– Это объяснимо, дорогая, но давай же скорее покинем это место.

Едва Мадлен поднялась на ноги, Луиза подтолкнула её к шкафу. Вдвоём навалившись на него, дамы не с первой попытки, но всё же сумели слегка сдвинуть его в сторону.

– Этого хватит, – заметила Мадлен и начала обшаривать рукой стену за шкафом. Наконец, её ладонь наткнулась на выступ. Надавив на него, девушка толкнула стену и открыла тайный проход.

– Там же совершенно темно, – воскликнула Луиза. – Ещё очень узко и пахнет плесенью.

– У нас нет выбора, Ваше Величество, придётся идти туд...

Мадлен не успела договорить, когда дверь в её покои тихонько скрипнула. Замерев на месте от охватившего их ужаса, дамы не могли сдвинуться с места. Каждая из них была готова увидеть в дверном проёме испанских солдат, готовых подвергнуть несчастных самым изощрённым пыткам. Но время шло, а в комнату никто не заглядывал. Зато у кровати мелькнул пушистый чёрный хвост.

– Базиль! – облегчённо выдохнула Мадлен.

– Так это просто кот, тьфу, – топнула ногой королева.

Грациозно и гордо пройдя мимо дам, Базиль юркнул в проход за стеной.

– Смотри-ка, совсем не боится, – заметила Луиза.

«А ведь верно, – подумала Мадлен. – Он наверняка лучше любого другого обитателя замка знает все потайные пути. Особенно те, в которых можно отыскать мышей. А значит, знает, куда идти».

Не теряя времени, девушка схватила Луизу за руку и потащила за собой в тёмный проход.

– Идёмте, Ваше Величество, у нас с вами появился помощник.

Глава 2. У подножия эшафота

Соединив мои слова, ломает времени врата.

На Париж, окроплённый кровью своих защитников и захватчиков, всё сильнее надвигался вечер. На улицах всё ещё продолжались мелкие стычки между местными жителями и солдатами де Гиза. Горожане не спешили разбирать баррикады. Неподалёку от Лувра в старом каменном доме приоткрылась дверь, и на улицу осторожно выглянула Мадлен. Убедившись, что переулок пуст, она обернулась и негромко произнесла:

– Мы всё ещё в Париже, где-то недалеко от замка.

– Я надеялась, что этот жуткий проход выведет нас на окраину города, – послышался из глубины дома голос королевы. – А этот кот завёл нас в подвал в центре Парижа. И как нам теперь выбраться из города? Наверняка все дороги охраняются людьми де Гиза.

– Нам удалось целыми покинуть дворец, Ваше Величество, и за это мы должны благодарить, а не проклинать Базиля, – ответила Мадлен, а сама призадумалась.

«Нам действительно будет трудно выйти из города незамеченными. Но то, что мы ещё в Париже, играет мне на руку. В этом городе у меня ещё остались дела». Словно воры, боящиеся попасться на глаза гвардейцам, дамы вышли из дома. Осматриваясь, они короткими перебежками передвигались по узким городским улочкам. Заметив, что Мадлен повернула обратно в сторону дворца, королева недовольно остановилась:

– Куда ты нас ведёшь?

– Мне нужно пробраться к воротам замка, Ваше Величество, – честно призналась Мадлен.

– Ты в своём ли уме?! – воскликнула Луиза. – Мы едва выбрались оттуда. Нам нужно найти карету, что увезёт нас прочь из города.

– Ваше Величество, кареты нам здесь не найти. Уходить придётся пешком. Но прежде чем покинуть Париж, мы обязаны спасти нескольких человек.

– Мадлен, ты слышишь себя?! Единственное, что мы обязаны сделать, – сохранить собственные жизни.

– Ваше Величество... – попыталась возразить девушка. Но Луиза прервала её на полуслове.

– Ты моя фрейлина, Мадлен, не забывайся. И я, как твоя королева, приказываю тебе найти способ вытащить нас из Парижа.

– Но...

– Это всё! Действуй.

Едва не зарывав от досады, Мадлен повесила голову. «Как можно быть настолько жестокосердной! Я не могу бросить Калеба в беде, не могу позволить сгинуть месье Триалю, но королева и слышать не хочет о чужих невзгодах», – печалилась фрейлина. Но выбора у неё не было. Королева отдала приказ, который не мог быть оспорен. «Нужно доставить Её Величество за городские ворота, а после вернуться обратно. Будет сложно, но по-другому нельзя». Прощмыгнув мимо кузнечной лавки, дамы свернули в очередной переулок.

– Сюда, Ваше Величество, – позвала Мадлен.

Путаясь в юбках своего платья и бранясь, Луиза упорно шла вперёд. Но вдруг Мадлен резко остановилась.

– Что там такое? – возмутилась королева.

– Тише, Ваше Величество, там люди де Гиза, – замерев от страха, прошептала Мадлен. – Идут сюда, скорее назад. Назад!

Развернувшись, дамы помчались прочь. Поскальзываясь на грязных лужах, цепляясь пышными платьями за возведённые баррикады, они пытались убежать от смерти. Выскочив из переулка первой, Мадлен едва не попала под колёса несущейся на неё кареты.

– Стой! – лихой кучер, натянув поводья, сумел в последний момент затормозить лошадей.

– Что там такое? – недовольный внезапной остановкой, из кареты высунулся Наваррский.

В испуганной служанке Анри не сразу рассмотрел Мадлен. Но поняв, кто перед ним, немедленно выскочил из кареты.

– Мадемуазель Бланкар? Почему вы до сих пор в Париже? – помогая девушке подняться, Наваррский подталкивал её к своей карете. – Садитесь, быстрее.

– Подождите, подождите, – твердила растерянная Мадлен. – Там королева Луиза.

Девушка пальчиком указала на переулок.

– Королева? Там?

Мадлен лишь кивнула головой. Оставив девушку возле кареты, Анри двинулся в указанную сторону.

– Ваша милость, медлить нельзя, почти все дороги из Парижа уже перекрыты. Если хотим пробиться, нужно ехать немедленно, – окликнул его кучер. Но Наваррский лишь отмахнулся. Заглянув в переулок, он не смог сдержать смеха.

– Попались в ловушку, Ваше Величество?

Зацепившись юбками за деревянные колья, Луиза отчаянно пыталась освободиться. Но чем сильнее она дёргалась, тем больше запутывалась.

– Наваррский? Вы?! О, боже! Помогите же мне!

Не теряя времени, Анри резко рванул на себя дорогую ткань. Большая часть королевского платья так и осталась висеть на деревянных кольях.

– Ах вы негодяй, – воскликнула Луиза, попытавшись дать Наваррскому пощёчину. Но мужчина ловко увернулся.

– Я только что спас вас, Ваше Величество, и это ваша благодарность?

– Вы едва не оставили меня в чём мать родила, подлец!

– Верно говорят, корона и благодарность – вещи несовместимые. Садитесь в карету, Ваше Величество.

– У вас есть карета? Но тогда почему вы до сих пор в Париже?

– Быть может, для того, чтобы встретиться на вашем пути? Идёмте.

Луиза выбежала из переулка и бросилась к карете, спрятавшись в ней, словно белка в дупле.

– Мадлен, а вы почему не садитесь, давайте же, – удивился Анри.

– Отвезите королеву в безопасное место, – попросила девушка, – А я должна задержаться здесь.

– Вы не знаете, о чём просите, мадемуазель. Хотите, чтобы я бросил вас одну в городе, наполненном разбойниками и убийцами? Так не пойдёт, – схватив Мадлен за талию, Анри решительно подтолкнул её к карете. – Садитесь!

– Пустите меня! – протестовала Мадлен.

– И не подумаю, – Наваррский собирался подхватить девушку на руки и силой забросить в карету, но, просчитав это, фрейлина развернулась и отвесила ему звонкую пощёчину.

Прижимая руку к покрасневшей щеке, Наваррский задумчиво проговорил:

– А вы, мадемуазель, оказались проворнее своей королевы. Ей этот трюк не удался. Зато вы выполнили его блестяще.

– Прошу меня простить, – понимая, что Анри всего лишь пытался образумить её, прошептала Мадлен. – Я этого не хотела. Благодарю за ваше беспокойство, но вам сейчас следует переживать о себе. Поскорее уезжайте из города. А я должна помочь друзьям.

– Мадлен, вы добрая душа, – начал Наваррский, – но мне кажется, вы не осознаёте той опасности, что вам грозит.

– Её не переубедить, – высунувшись из кареты, бросила Луиза. – Всё твердит о чьём-то спасении и не желает ничего слышать о побеге из города. Оставьте её, Анри. Не нам с вами решать её судьбу.

В растерянности Наваррский переводил взгляд с Мадлен на Луизу и обратно.

– Я так не могу, – наконец выдохнул он. Сделав шаг навстречу девушке, Анри предпринял новую попытку схватить её за руку. Но Мадлен увернулась. Понимая, что из-за неё и королева, и Наваррский могут не успеть вырваться из Парижа, девушка бросилась бежать. Не останавливаясь, она обернулась и крикнула через плечо:

– Уезжайте! Уезжайте!

Сколько пришлось бежать, Мадлен не знала. Перед глазами то тут, то там мелькали одинаковые улочки, баррикады и дома. Остановилась девушка лишь тогда, когда дыхание окончательно сбилось. Прижавшись спиной к холодной каменной стене, фрейлина пыталась перевести дух. Подняв глаза к небу, она вздрогнула. «Уже закат». Вспоминая жуткое видение с казнью Калеба, Мадлен заметалась из стороны в сторону. «Площадь. Эшафот стоял на городской площади. Мне нужно туда!» Уже не опасаясь встретить солдат де Гиза или нарваться на разъярённую толпу, Мадлен поспешила в центр города. Туда её гнала одна единственная мысль: «Этим вечером Калёб не погибнет!»

На площади уже толпился народ. Всё было так, как показывало видение. Высокий деревянный эшафот ждал свою жертву. Палач, несколько раз дёрнув верёвку, проверил петлю. Народ в ожидании зашумел. Пробираясь ближе к деревянному помосту, Мадлен с ужасом обнаруживала улыбки на лицах собравшихся. «Сегодня полгорода утонуло в крови, а им всё мало». Стуча колёсами, к площади подъехала телега, запряжённая одной старой клячей. Палач спустился и резким движением сдёрнул с телеги бледного юношу. Калёб был слаб и едва стоял на ногах. Но взгляд его по-прежнему горел ярче, чем звёздное небо.

– Шевелись! – прикрикнул на него палач, стуча по спине тяжёлой палкой. Толпа ликовала.

– Смерть душегубу!

– Пусть помучается, нелюдь!

И лишь изредка среди общего шума проносились чьи-то спокойные голоса.

– Не того поймали... Опять нас за нос водят...

– Ты посмотри, какой молодой, да шуплый. Убийца ли?

Но к этим голосам никто не прислушивался. «Что мне делать?!» – видя, как Калеба ведут на смерть, Мадлен в поисках спасения озиралась по сторонам. Схватив за руку высокого мужчину, девушка крикнула ему:

– Этот юноша невиновен! Казнь нужно остановить!

– Поди прочь, – отмахнулся от неё мужчина.

– Настоящий убийца не он, слышите? – обратилась девушка к стоящей подле неё женщине.

– Тьфу, не мешай смотреть! – недовольно фыркнула незнакомка.

Понимая, что среди беснующейся толпы помощников ей не найти, Мадлен проскочила в один из переулков. На улице уже стало темно, и кто-то зажёл факел. Яркое пламя стало для фрейлины лучом надежды. Не до конца понимая, что будет потом, Мадлен схватила факел и рванула обратно на площадь.

Палач уже надевал петлю на шею некроманта. Ещё немного, и, лишившись опоры, Калёб встретится со смертью. «Ну уж нет!» – решила Мадлен. Подобравшись к эшафоту с обратной стороны, девушка увидела, что под ним постелена солома. Много соломы. Недолго думая,

Мадлен бросила факел в сухую траву. Солома вспыхнула мгновенно. Увидев выбивающееся из-под эшафота пламя, толпа с криком отпрянула назад.

– Огонь переметнется на дома! – громко заревел кто-то низким голосом. – Тушить надо! Тушить!

Забыв о казни, люди в панике помчались спасать свои дома. Чувствуя под ногами жар, палач спрыгнул с эшафота и, прыгнув в телегу, покатил прочь. Площадь заволочло дымом. Задыхаясь и кашляя, Мадлен взбиралась вверх по горящим ступеням. «Ещё немного, ещё чуть-чуть...» Голова закружилась, девушка, попытавшись удержать равновесие, вытянула руку, но поймала лишь пустоту. На мгновение пришло осознание: «Я падаю в огонь». Но за миг до того, как сорваться в костёр, Мадлен ощутила резкий рывок.

– Держу, – качаясь и едва стоя на ногах, ей не давал упасть Калёб.

– Ах, живой... – не веря слезящимся от дыма глазам, прошептала Мадлен.

– А я-то думал, кто это задумал спалить Париж, – попытался улыбнуться юноша, но в ту же секунду закашлялся.

Доски деревянного эшафота не выдерживали и, ломаясь, падали вниз, пожираемые пламенем.

– Ещё немного, и мы превратимся в угли, надо уходить, – заметил Калёб.

Придерживая друг друга, фрейлина и некромант спустились с эшафота, чудом не став добычей огненного зверя. На площади суетился народ. Но никому не было дела до сбежавшего преступника. Люди боялись остаться без крова, опасались, что пламя сожжёт все запасы и убьёт скотину. Пользуясь паникой, Калёб взял Мадлен за руку и потащил по тёмным узким улочкам прочь от оживлённой площади.

Глава 3. Цыганское предсказание

И, заглянув за пелену, увидит, словно наяву.

У крившись в одном из пустых домов, Калёб осел на пол. Мадлен, взволнованная его состоянием, мгновенно оказалась рядом.

– Тебе дурно? – поинтересовалась она.

– Бывало и хуже, – кивнул Калёб. – Помнишь, как та покойница чуть не вытащила из меня все жизненные силы? Вот тогда я чувствовал себя куда сквернее. А сейчас мне бы просто раздобыть воды.

Отыскав кувшин с чистой водой, Мадлен протянула его некроманту. Жадно осушив весь сосуд, Калёб начал оживать.

– Как так получилось, что ты оказалась на площади? – отставив кувшин в сторону, спросил Калёб.

– А ты не догадываешься? – скрестив на груди руки, уточнила Мадлен.

– Ты пришла за мной? – робко приподняв на девушку глаза, произнёс Калёб.

– Конечно! Что бы я ещё там делала, по-твоему? Думаешь, пришла насладиться чьей-то казнью? – усмехнулась Мадлен.

Теперь, когда Калёб был в безопасности, она чувствовала себя свободнее и легче. Калёб улыбнулся. Его по-детски открытые глаза заблестели ещё ярче.

– Я... Я даже не знаю, как тебя благодарить.

Поднявшись на ноги, Калёб, всё ещё пошатываясь, подошёл к фрейлине. А в следующую секунду, прижав к себе, заключил её в крепкие объятия. На душе стало теплее. Обвив Калеба руками, фрейлина сильнее прижалась к бывшему пленнику.

– Как же приятно видеть тебя свободным, – прошептала она.

– А мне приятно осознавать, что есть на свете человек, едва не сжёгший весь Париж ради моей свободы.

Чувствуя, как в груди некроманта бьётся сердце, Мадлен прикрыла глаза и улыбнулась. «А ведь Калёб не струсил даже перед лицом смерти. Я слышала, что, стоя на эшафоте, многие умоляют палача о помиловании. Многие, но не Калёб». Понимая, что объятия становятся неприлично долгими, а в голову начинают лезть странные мысли, Мадлен аккуратно отстранилась.

– Пока ты сидел под замком, город захватили, – сказала она.

– Захватил? Кто?

– Герцог де Гиз и Католическая Лига. Король бежал из Парижа.

– Любопытно... Так вот почему на тебе платье служанки. Сторонников короля в городе теперь не жалуют? – уточнил Калёб.

– Да. Поэтому оставаться в Париже нельзя. Вся королевская свита уже на пути к новой резиденции.

– Не волнуйся, я выведу тебя из города. Знаю я пару тайных троп, – видя, как волнуется Мадлен, заверил её Калёб.

– Я не могу уйти одна. Там, у ворот Лувра, в куче с трупами лежит один гвардеец. Он всё ещё жив. Но боюсь, что это ненадолго.

– Извини за вопрос, но этот гвардеец, он... Как бы спросить, близок тебе? – кажется, покраснев от неловкости, спросил некромант.

– Месье Триаль – хороший человек. И он дорог одной девушке, что сейчас льёт по нему слёзы, – ответила Мадлен, подметив интерес Калеба к её окружению.

– Ты не подумай ничего дурного, – попытался оправдаться некромант. – Я спросил из чистого любопытства.

Мадлен лишь хитро улыбнулась.

– Так где, говоришь, этот гвардеец?

– Мёртвых солдат короля свезли и бросили недалеко от ворот Лувра.

– Хм, недалеко от Лувра... Дай-ка подумать, – прикусив губу, Кaleb сосредоточенно уставился в стену. – Есть один вариант. Надеюсь, сработает.

– Что ты предлагаешь?

– Помнишь мертвецкую под королевским садом? Я знаю, как оттуда тайно вывозят трупы. Мы пройдем тем же путём, – довольный собой, ответил некромант. И хоть мысли о подземном проходе и мертвецкой под садом изрядно пугали фрейлину, она решила довериться Калебу.

– Хорошо, веди.

Выйдя из заброшенного дома, Мадлен с ужасом поняла, что чёрный дым заполнил половину Парижа. «Значит, огонь так и не потушили. Боже, из-за меня могут погибнуть, если уже не погибли, невинные люди», – чувствуя, как вина камнем легла на её душу, подумала Мадлен.

– Давай, идём, – не давая девушке впасть в отчаяние, Кaleb повёл её к реке.

Спустившись к берегу Сены, некромант направился к старому деревянному мосту. Пройдя совсем немного, он остановился и прислушался.

– Вход там, под мостом. Ты готова? – больше из вежливости поинтересовался Кaleb.

Мадлен, тяжело вздохнув, покачала головой.

– Нет, совсем не готова. Но время не ждёт и считаться с моими внутренними демонами явно не желает.

Взяв девушку за руку, Кaleb аккуратно сжал её ладонь.

– Ни о чём не волнуйся, я же буду рядом. Ты веришь мне?

– Верю.

– Вот и отлично, тогда вперёд.

В проходе пахло сыростью и гнилью. Под ногами кто-то шуршал и скрёб маленькими лапками о стены. «Крысы...» – догадалась Мадлен и поёжилась.

– Не бойся их, им есть чем поживиться. На тебя нападать не станут, – с невероятной лёгкостью заверил некромант. Пока девушка сжималась в комок при каждом подозрительном шорохе, Кaleb, наоборот, становился всё веселее. В какой-то момент он даже начал что-то насвистывать себе под нос.

– Почему ты такой спокойный? – поинтересовалась фрейлина.

– Спокойный? Хм, не знаю. Наверное, потому что мы в моей родной стихии. Ты ведь не думала, что некроманты работают с трупами среди бела дня у всех на виду? Нам постоянно приходится скрываться. Таиться на кладбищах, забираться в подвалы, передвигаться по старым тоннелям, вроде этого.

– И тебе никогда не бывает страшно?

– Почему же, бывает. Просто я страшусь не того, чего боишься ты.

Когда проход стал свободнее, а воздух немного чище, Кaleb остановился.

– Почти пришли. Свернём налево – попадём в мертвецкую, повернём направо – выйдем через часовню в королевский сад.

Спеша поскорее оказаться на свежем воздухе, Мадлен направилась к часовне. Выбравшись из подземелья, некромант и фрейлина очутились в саду близ Лувра. Солнце уже скрылось, и на Париж опустилась ночь.

– Как же здесь тихо, видимо, солдаты де Гиза ещё не добрались сюда, – обрадовалась Мадлен.

– Нам нужно быть настороже, – заметил Калеб. – Хорошо, что пришли ночью. Темнота сейчас – наш главный помощник.

Стараясь ступать как можно тише, девушка пошла в сторону дворца. Некромант тенью следовал за ней. Любой шорох, чужие шаги заставляли девушку застыть на месте и судорожно оглядываться по сторонам. К счастью, продолжая разорять королевский дворец, солдаты де Гиза не интересовались садом. Изредка по дорожкам проходили патрульные, но укрыться от них помогали густые зелёные заросли. Спустя некоторое время Мадлен и Калеб добрались до входа в сад. Затаившись в тени высокого барбариса, девушка осмотрелась.

– Чтобы добраться до Фабьена, нужно пройти открытую площадку перед дворцом, – грустно заметила она. – Но у главных ворот и у входа в замок стоят испанские солдаты.

– Нам нужно их отвлечь, – задумчиво проговорил Калеб.

– Но как?

– Я знаю один способ, но, боюсь, тебе он не понравится, – заявил некромант.

– Что ты придумал?

Калеб, не желая отвечать, покачал головой.

– Давай сделаем так, – предложил он. – Ты просто доверишься мне и не станешь задавать вопросов. А я отвлеку солдат.

Мадлен занервничала, понимая, что план Калеба включает в себя нечто совершенно неординарное. Девушка собиралась возразить и потребовать объяснений, но вдруг осеклась. «Калеб здесь из-за меня, он рискует своей свободой, чтобы помочь мне. Моё недоверие может всё испортить». Ещё раз обдумав предложение некроманта, Мадлен кивнула.

– Хорошо, действуй.

– Даже спорить не будешь? – удивился Калеб. – Признаться, я ожидал негодования с твоей стороны. Но так намного лучше. Тогда стой здесь и следи за испанцами. Что бы ни происходило дальше, не выходи из тени, понятно?

– А что будешь делать ты?

– Мы же договорились – никаких вопросов.

Подмигнув фрейлине, Калеб на коленях опустился на землю и прикрыл глаза. Вытащив из кармана какой-то камень, он зажал его в ладони и тихо, почти беззвучно, начал шептать слова мёртвого языка. Боясь отвлечь некроманта, Мадлен затаила дыхание и перевела взгляд на испанских солдат. Долгое время ничего не происходило. И, уже слегка разочарованная планом Калеба, Мадлен решила обратиться к некроманту, но вдруг у ворот Лувра появилось какое-то движение. Солдаты заозирались по сторонам, ища источник неясного шума. Мелькнула высокая тень. За ней ещё одна и ещё. И вдруг, вскинув мушкет, один из солдат, перекосясь от ужаса и выстрелил в темноту. А спустя пару секунд на площади перед дворцом появились те, кого так настойчиво призывал Калеб. Гвардейцы короля Генриха, павшие сегодня в бою, вновь поднялись на ноги, чтобы отомстить своим убийцам. Мёртвые медленно шли на живых, не боясь ни мушкетов, ни алебард. Испанцы, крича что-то на родном языке, отступали к дворцу. Мадлен ощутила, как холодный ужас приковал её к месту. Обернувшись к некроманту, она увидела, как Калеб, шевеля пальцами, возвёл руки к небу, точно управляя кем-то. «Это он оживил гвардейцев, значит, мне нечего бояться. Нас они не тронут», – пыталась успокоить себя фрейлина. Тем временем мёртвые оттесняли испанцев к Лувру. Смирившись с тем, что мёртвых не убить, солдаты искали укрытия в стенах замка. Площадь перед Лувром и ворота дворца оказались свободны. Сделав глубокий шумный вдох, Калеб открыл глаза и вскочил на ноги.

– А теперь показывай дорогу, – пока солдаты не опомнились, юноша, схватив Мадлен за руку, вместе с девушкой выскочил из сада.

Мёртвые гвардейцы, уже не поддерживаемые некромантией, падали на землю. А Мадлен бежала вслед за Калебом, указывая направление. Добравшись до ворот, они свернули в сто-

рону и, пройдя несколько метров, наткнулись на лежащего в траве человека. Опустившись на колени, Мадлен взглянула в его лицо.

– Фабьен! Это он, – воскликнула она, проверяя дыхание. – Жив, он ещё жив!

– Солдаты скоро опомнятся, – коснувшись плеча Мадлен, произнёс Калеб.

– Нам нужно забрать его отсюда.

С трудом взвалив на себя раненого гвардейца, некромант направился обратно к саду.

– Тяжёлый-то какой, – пожаловался Калеб.

– Куда мы идём? – спросила Мадлен, понимая, что не может облегчить ношу некроманта.

– Уйдём так же, как пришли.

Уже заходя в сад, Мадлен услышала позади громкую испанскую речь. Обернувшись, девушка встретилась взглядом с разъярённым солдатом. Выйдя из дверей Лувра, он смотрел точно на неё.

– Бежим! Быстрее! – крикнула Мадлен, ускоряя шаг.

Калеб понял, что происходит, но бежать быстрее с гвардейцем на спине юноша не мог. Чтобы не попасть в лапы солдат, беглецам пришлось петлять, путая следы. Впервые Мадлен прониклась благодарностью к тому, кто так искусно превратил королевский сад в сложный лабиринт. Несколько раз едва не столкнувшись с испанцами, фрейлина и некромант всё-таки добрались до часовни и нырнули в подземный ход.

Спустя несколько часов Мадлен вновь увидела небо. Подземный тоннель вывел беглецов к окраине Парижа. Стоя на холме, с которого открывался вид на город, девушка в ужасе поняла, что часть столицы до сих пор объята пламенем. Огонь плясал на крышах домов, перебрасываясь с улицы на улицу. В небо поднимался чёрный дым. В эту минуту фрейлина вспомнила картинку, которую уже видела. «Париж в огне, как того и желал человек из моего видения, – с грустью подумала Мадлен. – Страшнее всего то, что я, сама того не желая, исполнила его волю». Тяжёлые размышления были прерваны голосом Калеба.

– Гвардеец совсем плох, ему нужна помощь.

– Положи его на землю, – скомандовала Мадлен.

Осмотрев Фабьена, девушка с досадой произнесла:

– Будь у меня мои настойки и травы, я бы смогла обработать ему раны и облегчить боль.

Но сейчас единственная возможность спасти его – доставить к лекарю.

– Выйдем на дорогу, вдруг встретим телегу или обоз, что подвезёт нас, – без особой надежды предложил Калеб.

Понимая, что ночью близ захваченного города шансов встретить крестьянина на телеге нет, Мадлен всё же согласилась. «Пожалуйста, пусть произойдёт чудо», – молила она. Какой бы безвыходной ни казалась ситуация, бездействовать девушка не могла. Добравшись до дороги, что вела прочь от Парижа, путники поплелись на юг. Стояла тишина, нарушаемая лишь криками ночных птиц. Спустя некоторое время Мадлен обречённо подумала: «Нам никто не поможет». Но вдруг впереди послышались голоса. На обочине стояла кибитка, рядом горел костёр. Сидя у огня, несколько молодых людей пели на незнакомом Мадлен языке. Подойдя ближе, фрейлина поняла, что кибитка принадлежит бродячим артистам. Услышав чьи-то шаги, на звук обернулась сидевшая у костра молодая цыганка.

– Помогите, прошу, – обратившись к ней, взмолилась Мадлен.

Странные гости ничуть не испугали артистов. Поднявшись на ноги, цыганка смело приблизилась к незнакомцам. Оказавшись подле Калеба, девушка увидела раненого гвардейца.

– Смерть уже положила на него свою ладонь, – произнесла цыганка. – Заносите его в повозку.

Не теряя времени, некромант внёс Фабьена в кибитку и положил на пол. Артисты принесли чистой воды, цыганка достала из сундука тряпки и снадобья. Пока Мадлен промывала гвардейцу раны, артистка окуривала кибитку дурманящими травами. Не приходя в сознание,

Фабьен тихо стонал. Он был бледен, синие вены вздулись, заметной сетью покрывая лицо и тело. Золотые кудри скатались, испачкавшись запёкшейся кровью. Несколько прядей прилипли к мокрому от испарины лбу. Наконец, раны были обработаны. Тело гвардейца теперь туго перетягивали чистые повязки.

– Он выживет, смерть отступила от него, – приложив руку к мокрому лбу Фабьена, произнесла цыганка.

– Спасибо, мадемуазель, – устало поблагодарила девушку Мадлен. – Без вашей помощи он был бы уже мёртв.

Цыганка громко рассмеялась:

– Мадемуазель? Так ко мне ещё не обращались. Меня зовут Эсма.

– Я Мадлен, – представилась фрейлина. – А тот юноша снаружи – Калёб.

– Я вижу, у вас обоих был трудный день, – заметила Эсма. – Оставайтесь здесь, отдохните.

А завтра на рассвете мы снимемся с места и поедem на юг. Куда вы держите путь?

Мадлен пожала плечами.

– Честно говоря, я не знаю. Мы следуем за королевскими обозами, что покинули Париж сегодня днём.

– Видела их, – протянула Эсма. – Пронеслись мимо нас, едва не скинув с дороги.

Мадлен стало неловко. Девушка почувствовала вину, хотя и не была причастна к грубости королевских подданных. Заметив её смущение, цыганка улыбнулась:

– Не грусти, мы не держим на них зла. Лучше ложись, отдыхай. Здесь вам ничего не угрожает.

Усталость давала о себе знать, и, доверившись Эсме, Мадлен устроилась в кибитке. Калёб, привыкший ночевать под открытым небом, прилёг на улице у костра. Проснулась Мадлен перед рассветом. Её разбудил громкий стон Фабьена. Открыв глаза, девушка увидела, как Эсма меняет гвардейцу повязки.

– Скоро он придёт в себя, медленно, но силы начинают возвращаться к нему, – произнесла цыганка.

– Почему ты помогаешь нам? – вдруг поинтересовалась Мадлен.

– Потому что вы нуждались в моей помощи. А ещё я не люблю оставаться в долгу, – усмехнувшись, ответила Эсма.

– В долгу? В каком? – не поняла Мадлен.

– Это не последняя наша встреча, Мадлен, – ответила цыганка. – Когда мы встретимся снова – ты спасёшь мне жизнь.

– Откуда ты это знаешь? – удивилась Мадлен.

– Мы, цыгане, не выдаём своих секретов, – улыбнулась Эсма и попросила: – Дай мне свою ладонь.

Недолго посомневавшись, Мадлен протянула цыганке руку. Некоторое время Эсма внимательно всматривалась в линии на девичьей ладони.

– Что ты там видишь? – осторожно спросила Мадлен.

– Твою судьбу, – ответила цыганка.

– И что же там?

– Я вижу, что ты несёшь тяжкое бремя, скрывая от окружающих свою истинную природу. Опасность и смерть следуют за тобой по пятам. И мне неизвестно, чем закончится эта борьба. Знаю одно: кто-то замышляет предательство. Вскоре ты получишь удар в спину от того, кому веришь. Берегись, эта страница твоей жизни уже написана, и её не избежать.

Слова цыганки не на шутку встревожили фрейлину. Увидев замешательство на лице Мадлен, Эсма попыталась её успокоить. Сняв с шеи серебряную монету, служившую талисманом, цыганка протянула её девушке.

– Возьми её на удачу, – проговорила Эсма. – И не отравляй сердце тёмными мыслями. Мы верим, что каждый из нас сам хозяин своей судьбы. Жизнь подкидывает нам трудности, но преодолеть ли их или стать их рабами – мы решаем сами. А теперь ложись, отдохай. Скоро мы отправимся в путь. Я разбужу тебя, когда мы увидим королевские обозы.

Но спать фрейлине больше не хотелось. Спрятав в потайной карман талисман, подаренный цыганкой, Мадлен выбралась из кибитки и полной грудью вдохнула прохладный предрассветный воздух. В этот час некроманту тоже не спалось. Увидев девушку, он махнул ей рукой, приглашая прогуляться. Отойдя подальше от стоянки бродячих артистов, Калёб опустился на влажную от росы траву. Мадлен последовала его примеру. Подняв голову к небу, некромант негромко заговорил:

– Ещё раз спасибо, что вытащила меня из петли. Невероятно всё это, ты ведь мне жизнь сегодня спасла.

– А как я могла поступить иначе? – улыбнулась Мадлен.

– Могла бы махнуть рукой и забыть, – просто ответил Калёб.

– Нет, не могла.

Калёб повернул голову. Удивлённо, с едва заметной улыбкой взглянул на девушку.

– Почему? – спросил он.

– Я так не умею, – честно призналась Мадлен. – В мире слишком много трусливых, лживых, жестоких людей. А таких, как ты, – единицы. Вас надо беречь.

– Таких, как я? – удивился некромант.

– Неужели ты сам не видишь, как сильно отличаешься от большинства окружающих людей? И я сейчас говорю не о роде твоих занятий. Ты добр к этому миру, Калёб. Видишь прекрасное в каждом живом существе. Имея дело со смертью, ты лелеешь жизнь. Это удивительно, – произнесла Мадлен. – Я рада, что ты встретился на моём пути. Твоя смерть стала бы для меня... Ударом.

Слова фрейлины заставили юношу смутиться.

– Мне никто и никогда не говорил таких слов, – признался Калёб. – Большинство предпочитает обходить меня стороной. А те, кто не может избежать общения, боятся и тайно проклинают.

Мадлен кротко поглядывала на некроманта, в который раз изучая его лицо. Она не понимала, как человек, связавший свою жизнь со смертью, может быть настолько чистым, честным и добрым. Этот паренёк был таким простым и в то же время оставался для фрейлины загадкой. Ему было совершенно не важно, кто перед ним: аристократка или крестьянка, обычная девушка или деревенская колдунья. Казалось, он мог рассмотреть красоту в любом живом существе и найти подход к любому человеку. Но как ему это удавалось, почему одиночество и близость тёмных искусств не изменили его душу, этого девушка не знала. Некромант, заметив изучающий взгляд фрейлины, не скрывая своих намерений, придвинулся ближе к Мадлен. Коснувшись ладонью её щеки, юноша аккуратно повернул голову девушки к себе и заглянул в глаза. Она молчала, но взгляд её был наполнен той нежностью, что рождалась, только когда рядом оказывался некромант. Калёб плавно, боясь зацепить кожу фрейлины жёсткими потертями своего костюма, гладил её плечи. Мадлен подняла руку и, дотянувшись до юноши, взъерошила его белые волосы. Засмеялась – чисто, звонко, искренне. Тряхнув головой, некромант улыбнулся. А в следующую секунду, не давая девушке опомниться, притянул её к себе. Смех стих. В глазах обоих читалось волнение. Но сила, притягивающая их, была непреодолима. Ещё пара мгновений, и расстояние, разделявшее их, исчезло бы, растворилось. Но позади вдруг раздался голос Эсмы.

– Мы готовы ехать, кони уже запряжены.

Резко отстранившись друг от друга, некромант и фрейлина вскочили на ноги.

– Ты поедешь с нами? – спросила Мадлен, обратившись к Калёбу.

– Я останусь здесь, – сказал юноша. – Попавшись гвардейцам, я не успел проверить то, что хотел, придётся вернуться.

– Но это может быть опасно, – взволновалась Мадлен.

– Теперь я буду осторожнее, – заверил девушку Калёб. – Возвращайся в свиту короля. Совсем скоро я найду тебя.

Обхватив руками девичьи плечи, юноша обнял фрейлину, привлекая её к себе. Затем, проводив до кибитки, убедился, что повозка тронулась с места и покатила по дороге, ведущей на юг.

Глава 4. Шут и шпага

Как три души, летя во тьму, придут покорные к нему.

В дороге Мадлен провела почти двое суток. За это время состояние Фабьена почти не менялось. Порой гвардеец начинал метаться в бреду, приоткрывал глаза, шепча нечто неразборчивое, но вскоре успокаивался и вновь впадал в забытё. Глядя на него, фрейлина с тревогой думала о Селесте. «Она наверняка места себе не находит. Надеюсь, Селеста поверила словам месье Теофиля и думает, что Фабьен жив», – с тоской думала Мадлен. Наконец на третий день пути цыганская кибитка въехала на высокий холм, и можно было увидеть разбитый в долине королевский лагерь.

Как оказалось, Генрих III, вынужденный оставить столицу, теперь вместе со свитой направлялся в городок Блуа. Там, в одном из замков, должен был на время обосноваться королевский двор. До Блуа было несколько дней пути. Придворные, не имевшие той выносливости, что была у королевской гвардии, не могли долго находиться в пути и требовали отдыха. Устали и кони, тащившие громоздкие повозки, набитые сундуками с платьями, провизией и казной. Поэтому через несколько дней пути было решено разбить лагерь для отдыха. Увидев повозку бродячих артистов, гвардейцы преградили ей путь, мешая проехать в лагерь.

– Езжайте прочь другой дорогой! – грозно рявкнул страж короля.

Услышав голос гвардейца, из повозки грациозной ланью выпрыгнула молодая цыганка.

– Господа, не желаете ли вы насладиться нашим небольшим представлением, что развеет вашу скуку?

– Вам нельзя здесь останавливаться, проезжайте, – стиснув зубы, повторил гвардеец. – Проезжайте!

Из кибитки, не зная, как объяснить происходящее, выбралась Мадлен.

– Месье, – обратилась она к гвардейцу, – там, в повозке, лежит раненый воин – Фабьен Триаль. Ему нужна помощь лекаря. Прошу, скорее позовите сюда Теофиля Арно.

Не узнав в уставшей служанке фрейлину королевы, гвардеец шагнул вперёд.

– Не морочь мне голову, бродяжка! Сказано, убирайтесь прочь, иначе...

– Мадлен?! Боже, Мадлен! – звонкий девичий голос заставил гвардейца обернуться.

Позади него, прижав руки к груди, стояла взволнованная Селеста. Узнав подругу, мадемуазель Моро бросилась к ней навстречу. Не теряя времени, Мадлен указала на повозку.

– Селеста, там внутри Фабьен, ему нужна помощь.

Услышав имя гвардейца, Селеста застыла на месте. Её руки затряслись. Голос не слушался её.

– Фа... Фабьен?

– Да, да! – твердила Мадлен. – Скорее позовите лекаря!

Обернувшись к гвардейцу, стоявшему на страже лагеря, Селеста воскликнула:

– Ну же! Вы не слышали, о чём вас просит фрейлина королевы?!

– Фрейлина? – удивился гвардеец, разглядывая грязное скромное платье Мадлен.

– Быстрее же! – прикрикнула на него Селеста и бросилась к повозке.

Сломленный напором мадемуазель Моро, гвардеец привёл к кибитке королевского лекаря. Заглянув в повозку, Теофиль Арно ахнул:

– Это просто чудо, что он до сих пор жив! Мадемуазель Бланкар, вы совершили невозможное.

– Мне помогли, – ответила Мадлен, кивнув на стоявшую подле неё Эзму.

Пока гвардейцы переносили Фабьена в лагерь, Теофиль с интересом расспрашивал цыганку о снадобьях, что всё это время поддерживали жизнь месье Триалья. Селеста, что теперь

не находила себе места, металась от лекарской палатки к Мадлен и обратно. Месье Арно настойчиво выпроваживал фрейлину, чтобы она не мешала лечению Фабьена. Смирившись с тем, что не увидит гвардейца, пока лекарь не обработает все его раны, Селеста вернулась к Мадлен. Вытирая блестящие на лице слёзы счастья, мадемуазель Моро благодарила подругу за спасение Фабьена. Воспользовавшись моментом, кибитка артистов проехала в лагерь. Не спрашивая ничего разрешения, цыганка взяла бубен и пустилась в пляс. Молодой румяный юноша в ярко-красном жилете заиграл на лютне. Подхватывая его мелодию, низкий плотный мужчина взялся за шалюмо. Эсма запела. Из палаток с интересом начали выглядывать королевские придворные. Улыбаясь, они подходили ближе, наслаждаясь внезапным праздником, что привезли с собой бродячие артисты.

– Идём, я отведу тебя в свою палатку, – потянула Мадлен за рукав Селеста. – И найдём тебе платье, чтобы ты могла сменить эти лохмотья.

Порывшись в своих сундуках, Селеста отыскала для подруги наряд, что больше подходил королевской фрейлине. Оставив Мадлен одну, мадемуазель Моро вышла из палатки, давая девушке возможность сменить платье. Заканчивая зашнуровывать корсет, Мадлен услышала, как кто-то вошёл в шатёр. Решив, что это Селеста, девушка, улыбаясь, произнесла:

– Ты была права, платье оказалось мне впору.

– Где ты пропадала все эти дни? – прозвучал за спиной фрейлины суровый голос Екатерины Медичи.

Мадлен обернулась, от неожиданности забыв, как должна приветствовать мать короля в столь необычных условиях.

– Добрый день, Ваше Величество, – пролепетала она.

Пройдясь по палатке, Екатерина внимательным взором пробежала по волосам, лицу, рукам фрейлины. В отличие от остальных обитателей королевского двора, эта женщина могла позволить себе на время забыть об этикете и говорить прямо.

– Ты выглядишь подурневшей: эти следы на руках, бледность, уставший вид, синяки, впалые щёки. Тому есть причина? Ещё и эта прядь... Откуда она?

Мадлен занервничала. «Да, Екатерина не тот человек, который лишний раз решит промолчать ради приличия. Скрывать от неё правду смысла нет».

– Недавно на меня напали. В моих покоях, – девушка чуть закатала рукав платья и показала Екатерине отметину. – Кажется, я оказалась жертвой некоего культа, с которым когда-то был связан и мой дед. Я предприняла попытку разузнать, что это за символ на моей руке. И поплатилась за это.

Слушая рассказ девушки, Екатерина не шелохнулась. Но при упоминании культа что-то в ней изменилось. «Её дыхание будто участилось. Почему? Испугалась за меня? Вряд ли».

Мадлен решила задать вопрос.

– Ваше Величество, вам не доводилось когда-нибудь слышать об Абраксасе?

При упоминании этого имени Екатерина заметно напряглась, сжав челюсть. «Она что-то знает о нём».

– Мишель рассказывал мне об этом боге. И о том, на что он способен.

«И это всё? Почему мне кажется, что Екатерина о чём-то умалчивает?» – подумала Мадлен.

– Этот культ может быть связан с угрозой, что нависла над моим сыном? – поинтересовалась Екатерина.

– Пока я не нашла прямой связи между королём Генрихом и культом Абраксаса, – призналась Мадлен.

– Тогда оставим этот разговор, – твёрдо заявила Екатерина. – Сейчас меня волнует другое: почему ты не предупредила меня о восстании де Гиза?

Этот вопрос сильно озадачил фрейлину.

– Ваше Величество, но как я могла?

– Как? Ты должна была предвидеть это с помощью своего дара. Ты ведь помнишь, для чего ты здесь.

– Но я уже говорила вашему Величеству, что не могу контролировать свои видения, – попыталась оправдаться Мадлен. Но Екатерина ничего не хотела слышать:

– Ты должна научиться! – рявкнула она. Впервые Мадлен увидела, как, пусть на мгновение, но Екатерина потеряла самообладание.

– Я дала тебе дневник Нострадамуса, показала пророчество – этого должно хватить, – продолжала Медичи. – Нам повезло, что в пылу восстания королю не навредили. Но в этом не было твоей заслуги. Надеюсь, в следующий раз о грозящей сыну опасности я буду узнавать заранее. Пока же мне всё приходится делать самой, – не давая Мадлен вставить и слова, Екатерина задала последний вопрос. – Ты желаешь ещё о чём-нибудь сообщить мне?

Мадлен помялась, вспомнив, что хотела поведать Екатерине о причастности Маргариты к своему отравлению. «Неприятно сообщать матери о преступлениях её детей, но Её Величество должна об этом узнать».

– Я знаю, кто пытался меня отравить. Это была ваша дочь – Её Высочество Маргарита Валуа.

К удивлению фрейлины, Екатерина отреагировала на обвинения сухо.

– Ты уверена?

– Боюсь, что так. Она сама призналась мне в этом.

– Надо же, – усмехнулась Екатерина. – Значит, она задумала в открытую бросить нам вызов. Что ж, ей же хуже.

Бросив на Мадлен долгий придиричивый взгляд, Екатерина направилась к выходу из палатки. Уже откинув её полог и собираясь выйти, Медичи вдруг замерла. Не оборачиваясь к девушке, она произнесла тихо, но устрашающе:

– Не разочаруй меня, Мадлен. Медичи не прощают ошибок.

С этими словами Екатерина вышла прочь, оставив Мадлен одну размышлять над услышанным.

Придя в себя после разговора с матерью короля, фрейлина нашла в себе силы выйти из шатра. Музыка снаружи уже стихла, а кибитка бродячих артистов укатила дальше на юг. «Я не успела попрощаться с Эсмой и ещё раз поблагодарить её за помощь, – с тоской подумала Мадлен, но тотчас вспомнила слова цыганки. – Она говорила, что мы ещё встретимся. Быть может, так и будет».

– Фрейлина или служанка? Праведница или обманщица? – раздался возле Мадлен чей-то насмешливый голос, и из-за соседней палатки горделивым павлином вышел королевский шут. Поправив перо на широкой шляпе, Шико хитро взглянул на Мадлен.

– Ваше появление в лагере было эффектным, мадемуазель, но вот в чём вопрос: где же вы были до этого?

Появление шута изрядно испортило девушке настроение. Ей очень хотелось высказать этому нахалу всё, что она о нём думает. Но Мадлен помнила: «Он единственный, кому король верит беспрекословно. Одно его слово, и на меня падёт королевский гнев. А ещё письмо из дневника Нострадамуса, если оно правда у него. Нужно понять, чего же он хочет». Сдерживая негодование, девушка натянула на лицо приветливую улыбку.

– Спасала свою жизнь, выбираясь из Парижа, месье, как и все остальные.

– Но в городе, захваченном де Гизом, вы пробыли дольше всех нас. Не странно ли это?

– Я не поспела за королевскими каретами, пришлось выбираться самостоятельно.

– И как же вам это удалось? – насмехаясь над девушкой, спросил Шико.

– Везение, месье, безграничное везение, – едва удерживая улыбку, процедила Мадлен.

– Может быть, может быть, мадемуазель, – покачал головой шут, расхаживая из стороны в сторону. – Но что, если вы обманываете всех нас? Что, если в минуту опасности, дабы спасти свою жизнь, вы вступили в сговор с врагом?

– Ваши обвинения обижают меня, месье, – перестав улыбаться, заявила Мадлен. – У вас нет причин подозревать меня во лжи.

– А вот тут вы ошибаетесь, – захихикал шут. Его рука скользнула под мундир и извлекла из тайного кармана знакомое Мадлен письмо. – Так случилось, что мне в руки попала любопытная вещица, мадемуазель. Письмо за авторством самого Мишеля Нострадамуса. Вам знакомо это имя?

«Негодяй», – представляя, как гадкий шут прикусывает себе язык, мысленно выругалась Мадлен. Но вслух ответила:

– Человек, что знал о будущем больше, чем любой из нас.

– Верно, верно, мадемуазель. Предсказания Нострадамуса известны по всей Франции. А некоторые и далеко за её пределами. Вот только не все в нашей стране с благосклонностью относятся к людям с особыми способностями. Взять нашего короля. Он считает, что предсказатели – не более, чем шарлатаны, что наводят смуту среди простого населения. Но знаете, кого король не терпит больше, чем шарлатанов?

– Кого же, месье?

– Лжецов, мадемуазель, – сверкнув глазами, нараспев произнёс Шико. Приблизившись к девушке, шут привстал на носочки, чтобы казаться выше, и нагнулся к лицу Мадлен. Его взгляд насквозь прожигал взволнованную фрейлину. Голос изменился. – Признайтесь, Мадлен, какие тайны окружают вас?

– Я не знаю, о каких тайнах вы говорите, месье, – едва скрывая свой страх, ответила Мадлен.

– Хм, упираетесь, ну что ж, – хитрый взгляд шута коснулся волос фрейлины. – Эта белая прядь совершенно вам не к лицу, мадемуазель. К слову, откуда она взялась?

– Вам лучше задать этот вопрос королевскому лекарю, думаю, в его практике встречались подобные случаи.

– Я обязательно поинтересуюсь этим, – шут отпрянул от девушки и ещё раз пристально взглянул в её лицо. – Надеюсь, мои слова не оскорбили вас? Не принимайте их близко к сердцу. Да, эта прядь немного портит вас, но ведь она всего одна, её легко спрятать в причёске. Тому юноше, что так мило беседовал с вами в «Бедном путнике», повезло куда меньше. Его белые волосы спрятать может лишь костёр.

Сердце Мадлен будто сжалось в упругий комок. В висках с невероятной силой запульсировала кровь. «Он видел нас с Калобом в ту ночь. Вероятно, даже слышал, о чём мы вели речь. Это он отправил Калеба на казнь. Мерзкий, подлый шут!» Видя, как лицо девушки краснеет от негодования, наливаясь кровью, Шико засмеялся.

– Что с вами сделалось, мадемуазель? Быть может, это очередной недуг, о котором мне лучше спросить у лекаря? Знаете, я так и поступлю, но сперва... – шут растягивал каждое слово, наслаждаясь немymi терзаниями фрейлины, – я покажу это письмо нашему королю. Интересно, что же он скажет, когда узнает, что оно было найдено в ваших покоях?

Развернувшись на пятках и бряцнув висевшей на поясе шпагой, Шико направился в сторону королевского шатра. «Он погубит меня!» – обречённо подумала Мадлен и, забыв обо всём, бросилась вслед за ним. Девушка не знала, как остановить навязчивого шута, не представляла, как закрыть рот тому, кто, не боясь ни упреков, ни угроз, нёс королю свою правду. Как назло, в эту минуту Генрих, собрав вокруг себя половину королевского двора, стоял у шатра в окружении подданных.

– Ваше Величество, – подходя к нему, громко выкрикнул шут, – у меня для вас весть, что удивит и поразит весь двор!

Подойдя к королю, шут игриво склонился перед Генрихом, одной рукой снимая шляпу, второй протягивая ему письмо.

– Что это такое, Шико? – забирая из его рук помятый пергамент, поинтересовался король.

– А вы прочтите, Ваше Величество, и узнаете.

Видя, как король разворачивает пергамент, Мадлен словно вкопанная замерла на месте. «Всё пропало. Если Генрих узнает, кто я, Екатерина мне этого не простит. Медици всегда славились жестокостью к тем, кто им не угодил. Боюсь представить, какая участь постигнет меня».

Тем временем король развернул письмо Нострадамуса и, прищурившись, поднёс его ближе к лицу. Его взгляд был готов коснуться первой строчки, но громкий стук колёс отвлек его внимание. Король обернулся, то же сделали его придворные. Не обращая внимания на королевских гвардейцев, пытавшихся преградить путь, в лагерь влетела чёрная карета. Она остановилась точно напротив королевского шатра, заставив Генриха отпрянуть. Двери распахнулись, и, ко всеобщему удивлению, из кареты выбралась полная ярости королева. Мадлен отметила, что на ней было новое платье, не то, что пострадало в схватке с парижскими баррикадами. Луиза выглядела безупречно, статно и устрашающе. Её взгляд горел праведным гневом. Выбравшись из кареты, она в два шага преодолела расстояние, отделявшее её от короля. Глядя в глаза растерянному Генриху, Луиза ткнула пальцем ему в грудь:

– Ты бросил меня в Париже, зная, что город захватил де Гиз! – королева, забыв об этикете, отчитывала короля, словно набедокурившего пажа. Её не смущали ни королевские гвардейцы, что по приказу Генриха могли немедленно схватить её, ни сотни придворных, наблюдавших за позором своего монарха. С каждым новым словом королева наступала на Генриха, заставляя его пятиться к шатру. – Знаешь, чего мне стоило сбежать из столицы? Представляешь, что я пережила за эти дни?! – увидев в руках Генриха какой-то пергамент, королева в гнев выхватила его и порвала на мелкие кусочки, бросив их в лицо королю.

Ахнув, придворные замерли в ожидании. Свита Генриха ждала, чем же ответит король на эту невыносимую дерзость. Кто-то был уверен, что после этого королеву отправят на плаху. Кто-то считал, что её сошлют в далёкую тюрьму на острове Иф. Но то, что сделал Генрих, предугадать не сумел никто. Смело шагнув навстречу Луизе, король раскинул в сторону руки и, внезапно для всех, заключил королеву в объятия.

– Какое чудо, что вы спаслись, душа моя! Видимо, Господь услышал мои молитвы. Когда мы обнаружили вашу пропажу, когда поняли, что вы остались в Лувре, двор погрузился в уныние. Но, слава Всевышнему, все обошлось. Кого же мне следует благодарить за ваше спасение?

В эту минуту из чёрной кареты вышел Анри.

– Наваррский, ну конечно... – не скрывая своего презрения, процедил король. – Я благодарю вас за спасение моей дражайшей супруги.

– Я здесь ни при чём, Ваше Величество, я лишь позволил себе доставить королеву в лагерь, – Анри окинул взглядом присутствующих и, с удовольствием и облегчением найдя среди них Мадлен, лукаво улыбнулся. – О своём спасении Её Величество поведаёт вам сама, если пожелает.

– Какие интересные вещи сегодня творятся в наших краях, – вклиниваясь в разговор, задорно усмехнулся Шико. – А не прибыл ли с вами в карете испанский посол? – смеясь, шут заглянул внутрь кареты.

При упоминании Алехандро лицо короля стало пунцовым от злости. Он уже открыл рот, чтобы указать шуту его место, но не успел. Его опередила королева. Шагнув к Шико, одним ловким движением Луиза выхватила из ножен шпагу, что висела на поясе шута. Её остриё мгновенно упёрлось в горло пересмешнику. Шико, не ожидавший такого поворота событий, замолчал, медленно поднимая вверх руки.

– Ещё одно слово, и ты лишишься языка, негодяй, – воскликнула королева.

Сегодня Её Величество была настроена решительно, а потому никто не желал вставать у неё на пути. Быстро смекнув, что его жизнь в опасности, Шико, наигранно улыбнувшись, произнёс:

– Приношу свои извинения достопочтенной королеве и проклиная всех её врагов. Виват королева! Виват!

Луиза, ни на мгновение не обманутая хитрым шутком, медленно убрала шпагу от его горла. Шико усмехнулся. И в этот момент, размахнувшись, королева срезала шпагой перо с его шляпы. Шут вздрогнул, изменившись в лице. Мадлен заморгала, не веря своим глазам. «Луиза сегодня на высоте. Но Шико не забудет этого дня и не позволит забыть королю. Луиза нажила себе опасного врага, который ещё найдёт способ отомстить своей королеве». Тем временем, бросив шпагу на землю, Луиза гордо прошествовала в королевский шатёр. Следом за ней направился Генрих. Обернувшись к Анри, он бросил через плечо:

– Вы можете остаться в лагере, Наваррский, а позже проследовать с нами в Блуа. Де Гиз наш общий враг. Думаю, нам есть, что с вами обсудить, – не дожидаясь ответа Анри, Генрих скрылся в шатре.

Шико, подобрав с земли шпагу и отрубленное перо, что-то недовольно проворчал себе под нос. В эту минуту его взгляд упал на разорванное в клочья письмо Нострадамуса. Приблизившись к Мадлен, шут впервые заговорил с ней серьёзно.

– Ликуете? Думаете, победа осталась за вами? Зря. Письмо, которое сейчас лежит на земле, было передано мне человеком, что всей душой желает вашей гибели. Он здесь, рядом с вами. Но я не назову вам его имени. Пусть неизвестность терзает вас, заставляя совершать ошибки. А когда вы оступитесь, я подтолкну вас в пропасть.

Добро пожаловать в Блуа

*Навстречу смерти скачут кони,
Несёт к концу их страха тень.
Ты ж, человек, подобен лани —
Гарцуешь в свой последний день.*

«Размышления о сущем» Сезар Бордо

Глава 5 енщина в белом

Тому, чьё имя страх и тень, кто мир и время, жизнь и тлен.

Через несколько дней лагерь начали сворачивать. Придворные вновь погрузились в кареты. Законный король Франции, его королева и их свита отправились в Блуа. Новая резиденция не уступала Лувру ни в размерах, ни в величии. Как только вереница карет въехала во двор замка Блуа, десятки слуг забегали туда-сюда, встречая гостей. Работы предстояло немало: нужно было разместить в замке королевских особ и их придворных, перенести вещи, накормить лошадей, расставить караульных. Генрих, выбравшись из кареты, скептически осмотрел фасад нового жилища. Он уже и не помнил, когда посещал Блуа в последний раз. Следом за мужем на дорожку перед дворцом выбралась Луиза. За время пути королева усмирила свой гнев и, казалось, оставила обиды в прошлом. Но лишь глупец сейчас принял бы её благодушные за чистую монету. На губах Луизы играла лёгкая улыбка, а в глазах читались интерес и любопытство.

– Чудесное место, – громко произнесла она. – В Блуа я была лишь однажды, в первый год своего прибытия во Францию. Как же давно мы не объезжали свои владения, дорогой супруг. Теперь у нас появилась причина напомнить себе, что кроме Парижа во Франции есть и другие города.

Прислушавшись к словам королевы, Генрих смягчился. Отдав приказ слугам, вместе с Луизой он первым проследовал во дворец. Для мадемуазель Бланкар дорога от лагеря до Блуа прошла незаметно. Всё это время девушка сидела в карете и вместо того, чтобы наслаждаться красотами французской природы, была поглощена собственными мыслями. Время от времени Мадлен задумывалась о будущем. Оглядываясь назад, она понимала, что опасность уже стала частью её жизни. Однако то, что ждало её впереди, было слишком туманно, а оттого казалось ещё более устрашающим. Оказавшись перед замком Блуа, девушка вместе с остальными фрейлинами королевы проследовала во дворец. Там для подданных Его Величества слуги уже готовили покои.

На то, чтобы обжиться на новом месте и разложить свои вещи, у фрейлины ушло несколько часов. Приняв горячую ванну, подготовленную служанками, Мадлен испытала невероятное облегчение. «Я наконец-то чувствую себя живой. Вода смыла с меня не только дорожную пыль, но и усталость последних дней», – радовалась девушка. Погрузившись в воду, Мадлен ненадолго задержала дыхание и мысленно вернулась к недавним событиям. «Угрожая, Шико сказал, что письмо из дневника Нострадамуса передал ему мой недоброжелатель. А значит, это не шут проник в мои покои. Но кто? Получается, что совсем рядом ходит человек, знающий правду обо мне и желающий моего разоблачения, а быть может, даже гибели, – понимала Мадлен. – Им может оказаться кто угодно». Мрачные мысли ещё долго преследовали девушку, и ей потребовалось недюжинное самообладание, чтобы прогнать их прочь.

Как только Мадлен надела новое платье, в комнату тихо постучались.

– Прошу, входите, – ответила девушка.

Приоткрыв дверь, в покои вошла одна из местных служанок. Низко поклонившись фрейлине, девушка смущённо пролепетала:

– Мадемуазель, королева Луиза приказала отвести вас в её покои.

«Хорошо, что я успела привести себя в порядок. Наверняка у Её Величества уже появились поручения для своих фрейлин». Кивнув служанке, Мадлен последовала за ней.

Когда девушка вошла в королевские покои, Луиза, словно привередливая хозяйка, обходила своё новое жилище. Ладонью проводя по мебели, она либо хмурила брови, либо довольно кивала головой. Заметив появление фрейлины, Луиза не сразу оторвалась от своего занятия и вернулась к девушке лишь после того, как закончила обход комнаты. Наконец удостоив девушку вниманием, королева поинтересовалась:

– Как прошёл переезд? Тебя не мучают боли после долгой поездки?

– Нет, Ваше Величество, благодарю за беспокойство.

– Чудесно! Значит, тебе не составит труда выполнить одно небольшое поручение. Но об этом чуть позже. А сейчас присядь, – приказала Луиза.

Хлопнув ладонью по диванчику, обшитому дорогой тканью, королева пригласила фрейлину присоединиться к ней. Как только фрейлина опустилась подле королевы, в глазах Луизы мелькнул хитрый огонёк.

– Мне стало известно, что несколько дней назад ты говорила с Екатериной. О чём она спрашивала тебя?

«Луиза – женщина проницательная, лгать ей бессмысленно и опасно, – понимала Мадлен. – Сейчас я словно нахожусь между двух огней. Екатерина и Луиза проницательны и хитры. Обе видят меня насквозь и вынуждают играть по их правилам. Но вот вопрос, как мне уцелеть, находясь под пристальным вниманием двух королев?» Луиза ждала ответа. Мадлен напрягла память, вспоминая о разговоре с матерью короля.

– Екатерина, как и раньше, была крайне обеспокоена судьбой Его Величества и упрекнула меня в том, что я не предупредила её о восстании.

– А ты могла это сделать?

– Боюсь, что нет. Управлять видениями я, к сожалению, не могу.

Луиза заботливо похлопала фрейлину по плечу.

– Екатерина порой слишком сильно печётся о своих детях. Не опасайся её угроз. Пока ты под моей защитой, она ничего тебе не сделает, – пообещала Луиза.

Но у Мадлен были причины сомневаться в её словах. Если бы Екатерина вдруг захотела отомстить ей или, ещё хуже, избавиться от неё, покровительство Луизы вряд ли бы спасло девушку.

– Было ли что-нибудь ещё?

– Это всё.

– Екатерина не расспрашивала тебя о нашем побеге из Лувра?

– Нет, Ваше Величество.

– Это хорошо. Пусть события того дня останутся для Екатерины тайной.

Луиза поднялась с диванчика, Мадлен последовала её примеру.

– А теперь о поручении, – вспомнила королева. – В этих краях я не была давно. Но до сих пор помню, что близ Блуа растёт лучшая во Франции земляника. Пройдись по городку, наверняка кто-то из местных продаёт ягоды. Порадуй свою королеву душистой земляникой.

Мадлен тревожно сдвинула бровки, но возражать Луизе не стала.

– Как прикажете, Ваше Величество, – ответила Мадлен, про себя подумав: «Ведь выполнить вашу просьбу и не заблудиться в совершенно незнакомом месте – это так легко...»

– Тогда ступай, – махнула рукой Луиза. – Городок здесь небольшой, думаю, тебе даже не придётся брать карету.

Удручённо вздохнув, Мадлен поклонилась и вышла из королевских покоев.

Выйдя на крыльцо замка Блуа, фрейлина с удивлением увидела, что здесь столпилась половина двора. «Интересно, что там происходит?» Аккуратно протиснувшись мимо нескольких дам и обогнув позёвывающего господина, Мадлен нашла место, откуда открывался вид на двор. В этот час в окружении своих гвардейцев на лестнице стоял король. Его взгляд был направлен на ворота замка, откуда вскоре показался небольшой конный отряд. Его возглавлял полноватый, немолодой, но весьма бравый аристократ. По одному лишь его взгляду было понятно: несмотря на возраст, мужчина гордился возможностью сесть на коня и отправиться в бой во славу короля и своего имени. Аристократ спешил и, насколько позволяла его комплекция, поклонился Генриху.

– Ваше Величество, для меня и моего отряда честь прибыть на помощь короне, – бодро заявил он.

Генрих учтиво кивнул головой, благодаря мужчину за верность.

– Я никогда не сомневался в Вашей преданности, маршал, – ответил король. – В столь непростые для Франции дни мне отрядно видеть ваш боевой настрой. Привезли ли вы, маршал, какие-нибудь известия из Парижа?

– Как только мне стало известно о восстании предателя де Гиза, я тотчас бросил клич всем местным дворянам. И рад вам сообщить, что большая их часть выступила на вашей стороне, – с гордостью заявил маршал. – Несколько дней назад мы осадили Париж, нам удалось значительно уменьшить армию де Гиза. Но, к сожалению, выбить его из столицы мы не смогли. И были вынуждены отступить от города.

Генрих недовольно сглотнул, но быстро вернул лицу нейтральное выражение.

– Это последнее наше поражение, маршал, – решительно сжав кулаки, заявил король. – Уверю вас, вскоре де Гиз заплатит за своё предательство.

– Я в этом не сомневаюсь, Ваше Величество, – ответил маршал.

Генрих в сопровождении гвардейцев направился в замок. Маршал последовал за ним. Когда мужчина поднялся на крыльцо, из толпы к нему протиснулась Жизель.

– Папá, как я рада вашему визиту!

«Так этот месье – отец Жизель», – догадалась Мадлен.

– Не сейчас, Жизель, – жёстко оборвал девушку маршал Клермон.

Мужчина было прошёл мимо дочери, но вдруг обернулся и тихо спросил:

– Скажи, ты ведёшь достойную жизнь при дворе? Не позволяешь грязным слухам касаться имени нашей семьи?

Жизель на мгновение растерялась и затряслась – не такого приветствия она ждала от отца.

– Конечно, папá, – пролепетала Жизель. – Я чту этикет и веду себя так, как ты меня учил.

– Хорошо, – сухо бросил маршал, – ведь тем, кто позорит род Клермон, не место в семье.

С этими словами маршал, гордо выставив вперёд орденосную грудь, последовал за королём. До фрейлины долетел слух о том, что Генрих созывает в королевском зале военное собрание. «Было бы полезно узнать, что король собирается обсуждать на совете. Любая военная авантюра – угроза жизни Генриха. Но в королевский зал мне никак не попасть». Взгляд девушки остановился на Жизель, и в её голове родился план. «Что, если попросить о помощи Жизель? Я знаю одну пикантную тайну, которая явно сделает её стоворчливее». Мысль о шантаже не находила отклика в душе фрейлины, но сейчас она была её единственным спасением. «Екатерина требует, чтобы я пристальнее следила за судьбой Генриха. И если видения не помогают в этом, мне придётся действовать по-другому». Подойдя к фрейлине, Мадлен коснулась её руки и поманила за собой.

– Что тебе нужно? – презрительно фыркнула Жизель.

– Нам лучше отойти в сторону, чтобы наш разговор не привлёк чужого внимания.

Жизель насторожилась, но за девушкой всё же последовала. Остановившись подле старого дерева, росшего неподалёку, Мадлен обратилась к фрейлине.

– Я заметила, что наш король доверяет твоему отцу.

Жизель горделиво усмехнулась:

– Конечно! Ты знаешь, сколько у него медалей? Он всю жизнь преданно служит короне. За это наш род и уважают. Но я не пойму, к чему этот разговор?

– Хорошо, скажу прямо. Твой отец приглашён на военный совет. А мне очень любопытно узнать, о чём идёт речь на этом собрании. И я подумала, может быть, ты сумеешь мне помочь?

Жизель чуть не задохнулась от возмущения.

– Ты в своём уме?! С чего бы вдруг я стала тебе помогать, особенно в таких делах?

– Мне показалось, что твой отец весьма обеспокоен вопросами твоей нравственности. И мне думается, что ему не придётся по душе новость о твоей связи с королевским пажом. Я видела тебя и Пьетро в ночь маскарада. Знаю, что вы уединились в старом доме, не сумев пойти против своих чувств, – тихо проговорила Мадлен.

Жизель побледнела, застыв в ужасе, словно каменный истукан.

– Ты не посмеешь ничего ему рассказать... – чуть живая от страха, прошептала Жизель. – Он никогда мне этого не простит! Меня вышвырнут из дома, лишат всего: имени, наследства, будущего...

– Именно поэтому я и предлагаю тебе небольшую сделку, – решительно предложила Мадлен. – Ты узнаёшь, о чём говорили на совете, а я забываю о том, что произошло между тобой и Пьетро.

Жизель, боясь последствий, боролась с желанием вцепиться фрейлине в волосы. Но понимала, что девушка загнала её в угол.

– Как я это сделаю? Отец ничего мне не расскажет, – чуть не плакала дочь маршала.

– Извини, у меня нет ответа на этот вопрос, – стараясь оставаться хладнокровной, ответила Мадлен. – Теперь это твоя забота.

Зло сверкая глазами, Жизель направилась к замку.

– Вот же кобра... – донеслись до слуха девушки тихие ругательства фрейлины.

«Этот поступок меня не красит, – с грустью подумала Мадлен. – Шантаж – отвратительная вещь, но, к счастью, весьма действенная. Я уверена, Жизель сделает всё, чтобы отец ни на миг не усомнился в её невинности». Мадлен грызло чувство вины. Ей казалось, что она поступила дурно, недостойно. Но вспомнив о том, сколько неприятностей Жизель доставляла другим девушкам во дворце, немного успокоилась. И, направившись к воротам, покинула территорию замка.

Блуа совершенно не походил на Париж. Этот городок своими размерами и внутренним устройством больше напоминал крупное селение. Проходя мимо деревянных домов, за воротами которых кто-то хрюкал, мычал или лаял, девушка вспоминала Жарден Флюрьи.

Местные жители, завидев фрейлину, не стесняясь, провожали её взглядом. Кто-то начинал шептаться, кто-то многозначительно хмыкал. «Точно как дома», – подумала Мадлен, вспоминая о своей жизни в Жарден Флюрьи. Каждый житель Блуа уже знал о том, что в замок въехал король со своей свитой. И девушка, чьё платье говорило о принадлежности к высшему сословию, вызывала у них интерес. Дойдя до торговых рядов, Мадлен осмотрелась. Среди горожан, торговавших хлебом и овощами, она заприметила девушку с корзинкой ягод. «Земляника, то, что мне нужно», – обрадовалась Мадлен. Подойдя к девушке, фрейлина улыбнулась.

– Добрый день, сколько вы хотите за эту корзинку ягод? – поинтересовалась девушка.

Горожанка встрепенулась. С ног до головы осмотрев покупательницу, она с восторгом воскликнула:

– Ах, мадемуазель, вы ведь прибыли к нам из королевского замка?

– Всё верно.

– Какая чудесная весть! Меня зовут Полин, госпожа. Я знаю всё, что происходит в этом городке. Чем я могу вам помочь?

– Я всего лишь хотела бы купить у вас эту корзинку земляники.

– О, конечно, мадемуазель, конечно, – засуетилась Полин.

Фрейлина достала монеты, что вручила ей королева, но, прежде чем она успела передать их Полин, кто-то толкнул Мадлен в плечо. Монеты рассыпались. Повернув голову, девушка на пару мгновений застыла на месте. Фрейлине почудилось, что перед ней стоит призрак. Но это было не так. Облачённая в ветхое, некогда белое платье, рядом, покачиваясь и стелая, прошла пожилая леди. Её длинные седые волосы закрывали часть лица, но и сквозь них были видны уродливые рубцы от старых ожогов. Красные от постоянных слёз глаза почти ослепли. Несмотря на неухоженный вид, на леди висели дорогие украшения: гранатовая подвеска, несколько перстней с драгоценными камнями. Бросив на Мадлен пустой незаинтересованный взгляд, женщина, приговаривая что-то неразборчивое, побрела дальше по дороге. Заметив недоумение на лице Мадлен, Полин поспешила объяснить:

– Не пугайтесь. Это мадемуазель Амели Трюдо, она леди со странностями. К сожалению, жизнь была несправедлива к ней.

Мадлен не собиралась расспрашивать Полин о судьбе несчастной мадемуазель Трюдо, но девушка продолжала рассказ:

– В молодости она была первой красавицей города, невестой местного графа. Но накануне их свадьбы в поместье вспыхнул пожар. В огне погиб сам граф и все его слуги. Чудом выжить удалось лишь мадемуазель Трюдо. Но пламя сильно опалило её лицо, а трагедия лишила рассудка. Она осталась одна. На изуродованной девушке так никто и не женился. Со временем умерли её родители, родовое поместье обветшало. И вот уже около сорока лет несчастная целыми днями бродит по городу, стелая о погибшем графе и загубленной жизни.

«Какая грустная история», – подумала Мадлен, глядя, как в конце улицы скрывается за поворотом леди в белом платье.

Собрав монеты, девушка передала их Полин. Довольно улыбаясь, горожанка протянула фрейлине обещанные ягоды.

– Кушайте с удовольствием, мадемуазель. Ягодки у нас сладкие, сочные.

Поблагодарив девушку, фрейлина покрепче перехватила корзинку и покинула торговые ряды.

Глава 6. Поместье Сен-Беар

Одна душа, что жаждет мести, в конце пути сгорит в огне.

Направляясь обратно в замок, Мадлен потеряла дорогу, по которой пришла. Поплутав по городским улочкам, фрейлина вскоре совсем заблудилась. Выбрав, наконец, как ей показалось, верный путь, девушка вышла к полю, простирающемуся за городом. Как назло, ближе к вечеру поднялся ветер, принёсший с собой тяжёлые грозовые тучи. Небо затянулось серой занавесью, и вскоре во мраке засверкали молнии.

«Почему я не решилась спросить у кого-нибудь дорогу? Куда мне теперь бежать, где укрыться?» – поёжившись, подумала Мадлен. Остановившись на узкой тропинке, идущей вдоль небольшого леса, девушка призадумалась. «Кажется, мы проезжали по похожей местности в карете. Возможно, если я пойду по этой дорожке, то просто подойду к замку с другой стороны».

Эта мысль ненадолго придала фрейлине решительности. Продолжая сжимать в руках корзинку с земляникой, девушка упорно шла вперёд по безлюдному полю. Громкий раскат грома заставил её вздрогнуть. Сверкавшие на горизонте молнии всё больше и больше пугали юную фрейлину. «Успокойся, Мадлен, это обычное природное явление. Нет в нём ничего страшного. Главное, не выходить на открытое пространство и не прятаться под одинокими деревьями», – повторяла себе девушка.

Идя вдоль поля, Мадлен с трудом следовала собственным советам. Когда же на фрейлину упали первые крупные капли дождя, девушка совсем отчаялась. Надвигался ливень. Опустив голову пониже, девушка ускорила шаг. Дождь усиливался, заливая лицо фрейлины. Вдруг из леса на дорожку вышла тоненькая фигурка. Приблизившись, девушка рассмотрела в ней крестьянского мальчишку. Около минуты он стоял на тропинке, глядя на фрейлину. Его губы двигались, но из-за грома и шума дождя голос не долетал до девушки. Мальчонка махнул рукой и побежал вперёд. «Не уверена, но, кажется, он приглашает меня следовать за собой. Ну что ж, надеюсь, он приведёт меня к укрытию», – с сомнением подумала Мадлен. Выбора у фрейлины не было, и она, боясь потерять ребёнка из вида, поспешила за ним.

Пробежав всё поле, мальчишка свернул на узкую дорожку, идущую через редкий лесок, и спустя четверть часа вывел девушку к воротам незнакомого поместья. Чтобы укрыться от дождя, фрейлина бросилась на крыльцо и наконец оказалась под небольшим навесом. Прежде чем постучаться, Мадлен обернулась. «А куда делся тот мальчик? Должно быть, сразу помчался к родителям». Девушка окинула взглядом внутренний двор поместья. Сквозь пелену дождя рассмотреть его получалось плохо, но всё равно он почему-то показался ей слишком запущенным, неудобным. «Видимо, хозяин этого места – один из разорившихся аристократов. Огромное поместье досталось ему по наследству, а вот содержать его в должном виде ему не на что. Видимо, и слуг у него совсем мало, – думала Мадлен, осматривая просторный пустой двор, – не видно ни души. Хотя, может быть, слуги просто испугались грозы». Фрейлина уже хотела обозначить своё присутствие, постучав в дверь. Тем более, девушка успела заметить, что в одном из окон поместья горят свечи. Но тут краем глаза она уловила движение на дорожке у самых ворот. Мадлен обернулась и, прищурившись, всмотрелась вдаль. В центре дорожки под проливным дождём, будто совсем её не замечая, стоял мальчишка, что привёл девушку сюда. Он не шевелился. Просто стоял и, не отводя глаз, смотрел на фрейлину. Девушке стало не по себе. Одинокая неподвижная фигура ребёнка начала не на шутку тревожить фрейлину. Сначала Мадлен хотела окликнуть мальчишку, спросить, почему он не бежит домой. Но чем дольше она видела пронзительный немигающий детский взгляд, тем сильнее тряслись её колени. Девушка поймала себя на мысли, что боится выпустить ребёнка из поля

зрения. Сверкнула молния. И на то мгновение, что мощная вспышка осветила двор, Мадлен увидела истинное лицо мальчика. Его серая кожа давно затвердела, облепив хрупкие детские кости. Широко раскрытые белёсые глаза высохли, уже не нуждаясь в защите век. Одежда, рваная, мягкая, казалось, давно истлела в земле. Перед фрейлиной стоял мертвец. Всё в нём было мертво, кроме одного. Неестественная кривая улыбка, что застыла на юном лице, будто двигалась, расширяясь всё сильнее и сильнее. Мадлен в ужасе дёрнулась, спиной прижавшись к входной двери. В панике нащупав ручку, девушка что было сил рванула её на себя. Она не думала, что за дверью её может поджидать что-то более ужасное. Страх взял над фрейлиной верх. Сейчас она была готова на любую глупость, лишь бы не видеть ту жуткую улыбку.

Мадлен ворвалась в поместье и шумно захлопнула за собой дверь. В коридоре было темно, но из одного из главных залов лился свет. Туда, забыв о всех приличиях, и направилась фрейлина. Не зная, чего ожидать, девушка облегчённо выдохнула, когда, осмотревшись, поняла, что попала в освещённую библиотеку. Вернее, судя по всему, это помещение было главным залом поместья. Но обилие находившихся здесь книг заставляло думать, что это библиотека. Вся дальняя стена зала была превращена в полку, на которой покоились десятки, а то и сотни книг. Над дверью висел тяжёлый деревянный герб с изображением медведя. «Фамильный», – подумала Мадлен. Подойти к окну девушка не решилась, боясь вновь встретиться взглядом с мёртвым мальчишкой. Замерев на месте, фрейлина прислушалась. «В доме тихо: не слышно ни хозяев, ни прислуги. Но кто-то же должен здесь жить? В зале достаточно чисто, не пыльно, да и свечи горят». Протянув руку к свечному пламени, обжёгшему ладонь своим жаром, фрейлина поняла, как сильно озябла. «Мне бы немного согреться», – обхватив себя руками, подумала Мадлен. Позади скрипнула половица. Подпрыгнув на месте от страха и неожиданности, девушка налетела на того, кто стоял позади неё.

– Ах! – подпрыгнув на месте, Мадлен обернулась.

– Вы кто?! И как сюда попали?! – позади девушки стоял хозяин поместья.

Высокий мужчина чуть старше тридцати лет, одетый в дорогой, но явно не новый костюм, выглядел озадаченным и неприятно удивлённым. Несколько раз моргнув, Мадлен наконец убедилась, что перед ней стоит живой человек. Это осознание несколько успокоило девушку и позволило вспомнить о том, что она без приглашения вломилась в чужой дом.

– Месье, мне очень неудобно перед вами, наверное, я должна извиниться и объяснить свой поступок, – залепетала девушка.

– Было бы весьма кстати, – сложив на груди руки, заявил хозяин дома.

«Суровый...» – поняла девушка.

– Меня зовут Мадлен Бланкар, я фрейлина Её Величества королевы Луизы. Вы, наверное, уже знаете, что сегодня королевский двор прибыл в Блуа...

– Не слышал ни о чём подобном, – нахмурившись, бросил мужчина.

«Колючий, словно ёж...» – недовольно заметила Мадлен.

– И тем не менее это так. По поручению королевы я отправилась в город. Но по незнанию заблудилась. Гроза застала меня недалеко от вашего поместья и...

– Вы решили ворваться сюда, – оборвал девушку на полуслове суровый мужчина.

– Всего лишь попросить переждать дождь, месье.

Мужчина неодобрительным взглядом прошёлся по фрейлине.

– Боюсь, у меня нет подходящих условий, мадемуазель.

– Вы выставите меня за дверь, месье? – с удивлением и негодованием спросила Мадлен.

– Стоило бы, – буркнул мужчина.

– Прошу меня простить, месье, но неужели совесть позволит вам выгнать меня под дождь? – с негодованием поинтересовалась Мадлен.

Закатив глаза, мужчина с неохотой заговорил:

– Во-первых, мадемуазель, вряд ли он вам навредит, разве что причёску испортит. Во-вторых, я сказал «стоило бы», а эта фраза указывает лишь на ход моих мыслей, не действий. Вы можете остаться здесь, пока гроза не утихнет. Большого предложить не могу.

– Благодарю, месье, – вежливо улыбнулась Мадлен про себя подумав: «Совершенно него- степриимный господин. Дикий и нелюдимый».

Хозяин дома, словно потеряв интерес к госте, прошёлся по залу, вытащил с полки одну из книг и устроился с ней в кресле. Листая страницу за страницей, мужчина погрузился в чтение. «Да что с ним не так?! – обсыхая у камина, думала девушка. – Неужели я настолько ему помешала своим вторжением, что сейчас он осознанно игнорирует моё присутствие?» Не получив приглашения присесть, фрейлина опустила на второе кресло. Подождав, пока хозяин дома прочтёт ещё пару страниц, Мадлен не выдержала и обратилась к нему.

– Месье, не хотелось бы вас отвлекать, но, кажется, вы забыли представиться. Я до сих пор не знаю вашего имени.

Оторвавшись от книги, мужчина свысока взглянул на фрейлину.

– Не забыл, я не собирался этого делать. Но если это не даёт вам покоя, извольте: Этьен Сен-Беар.

– Рада знакомству, месье, – ответила Мадлен и добавила: – Могу я задать вам вопрос?

– Вы уже его задали, так что продолжайте.

– Почему здесь так тихо?

– Я единственный владелец этого поместья. Других людей здесь нет.

– А как же слуги?

– Они давно здесь не появлялись.

– Но как же вы справляетесь с домом в одиночку? – удивилась девушка.

– Дом не дикий жеребец, к которому нужно суметь найти подход. Это всего лишь куча камней, которая никуда не денется. Чтобы это понять, слуги не нужны.

– Неужели вы сами готовите себе обед или, скажем, стираете одежду? – продолжала удивляться фрейлина.

– В еде я неприхотлив. А моя одежда не должна вас беспокоить.

«Месье Этьен не самый приятный собеседник, но я должна спросить кое-что ещё», – думала Мадлен.

– Меня сюда привёл мальчик, – об ужасе, который она испытала, увидев его истинный облик, девушка решила умолчать. – Если вы говорите, что в поместье больше никто не живёт, то кто же он?

– Какой ещё мальчик? – склонив голову набок, спросил Этьен.

Мадлен показалось, что этот вопрос наконец вызвал у хозяина дома неподдельный интерес. Чтобы не переходить к самой жуткой части, девушка начала описывать внешность и одежду ребёнка.

– Вероятно, это Поль... – помедлив, ответил Этьен. – Сын садовника. Хм, я был уверен, что они здесь уже не появятся.

– Так у вас всё же есть садовник? – помедлив, уточнила Мадлен.

– Он определённо у меня был.

– Был? – не поняла девушка.

Мужчина устало вздохнул, словно ему приходилось общаться с самым непонятливым человеком на свете.

– За домом есть сад. Ему нужен уход, что здесь странного?

– Но вы сказали «был».

– Был, есть... Какая разница? Меня это не интересует. Я давно не задавался этим вопросом.

«Ничего не понимаю... – озадачилась Мадлен. – Неужели ему настолько безразличен собственный дом? Как такое возможно?»

– Месье, вы сказали, что не слышали о прибытии короля в Блуа. Вы не следите за тем, что происходит во Франции? – поинтересовалась фрейлина.

– В последнее время нет, – признался Этьен. – Обычно все новости касаются Парижа, новых законов, налогов, войн. Всё это так далеко. Так зачем мне тратить на них время? Предпочитаю интересоваться тем, что находится подле меня.

Фрейлина ещё раз обвела взглядом зал.

– Вы говорите о книгах?

– В первую очередь, да. Каждая из них загадка, тайна, что я могу раскрыть, не выходя из дома. А если у меня под рукой столько не переделанных дел, зачем мне искать другие?

Пока хозяин дома без особого энтузиазма отвечал на вопросы фрейлины, гроза стихла. Спусти некоторое время закончился и дождь. Краем глаза взглянув в окно, Этьен, будто невзначай, заметил:

– Солнце вышло.

«Намекает, что мне пора уходить?» Фрейлина поднялась на ноги, прихватив чудом сохранившуюся корзинку с ягодами.

– Месье, благодарю, что приютили меня на время непогоды. Не хочу более стеснять вас, думаю, теперь я смогу добраться до замка Блуа. Если только вы укажете мне, в какую сторону идти.

Этьен отложил в сторону книгу и встал.

– От ворот направо ведёт довольно приметная тропинка. Она выведет вас к городской церкви. От неё повернёте налево и выйдете к замку.

– Спасибо, месье, – поблагодарила Мадлен хозяина дома.

Пока девушка поправляла руками юбки платья, Этьен загадочно уставился в окно.

– А говорили, что после смерти Клод король никогда более не вернётся в Блуа...

– Простите, что? – переспросила Мадлен.

– Ничего, просто мысли вслух.

Фрейлина направилась к двери и, уже взявшись за ручку, услышала громкий крик хозяйина дома.

– Нет! Не открывайте её!

Этьен моментально оказался подле девушки, перехватывая её руку, державшую ручку. Мужчина был взволнован и, как показалось фрейлине, даже напуган. Осознав, что выглядит подозрительно, Этьен постарался говорить спокойнее.

– Вы перепутали дверь, – объяснил мужчина. – Эта ведёт вглубь дома, вам нужна другая, вон та.

Мадлен, заметно испуганная криком Этьена, тоже смогла взять себя в руки.

– Я поняла, прошу меня простить.

Девушка хотела направиться к нужной двери, но заметила, что ладонь Этьена всё ещё держит её запястье.

– Месье?

Мужчина, казалось, замер. Его взгляд был устремлён на собственные пальцы, касавшиеся девичьей руки. Со стороны это выглядело так, будто хозяин дома был удивлён собственному поступку. Или же он впервые в жизни касался другого человека. Опомнившись и поймав на себе вопросительный взгляд фрейлины, Этьен отдернул руку.

– Простите, – засмутился он.

– Я пойду, – произнесла Мадлен.

Не дожидаясь, пока хозяин дома проводит её к выходу, девушка сама нашла нужную дверь и, преодолев коридор, вышла на крыльцо. При свете солнца двор уже не выглядел столь

пугающим, но по-прежнему казался слишком неухоженным местом. С опаской посмотрев по сторонам, девушка убедилась, что здесь никого нет, и поспешила к воротам.

Отыскав дорогу, идущую в Блуа, фрейлина почувствовала усталость. Прислонившись к стене ближайшего дома, она переводила дух. В это время мимо неё, петляя по городским улочкам, проехала знакомая чёрная карета. «Это же карета Анри, – удивилась Мадлен. – Я думала, Наваррский прибыл в замок вместе с королём». Слегка обогнав фрейлину, карета остановилась. Из неё выглянул Анри и, отыскав взглядом девушку, махнул ей рукой.

– Мадлен, прошу, садитесь, – пригласил он.

В этот раз уставшая фрейлина с удовольствием приняла приглашение Наваррского. Оказавшись в карете, Мадлен поймала на себе чуть прищуренный взгляд. Анри улыбался.

– Вы выглядите растерянной. Только приехали и уже решили изучить окрестности?

– Сказать честно, я заблудилась, – призналась Мадлен.

– Тогда хорошо, что я вас заметил.

– Вы только направляетесь во дворец? – поинтересовалась девушка. – Мне казалось, вы ехали вместе со всем двором.

– Так и было, – усмехнулся Анри. – Но по пути я отстал. Дела, знаете ли...

Некоторое время поездка проходила в тишине. Наваррский, погружённый в свои думы, смотрел в окно. Но вскоре созерцание Блуа наскучило Анри, и он вновь повернулся к фрейлине.

– Я всё ещё нахожусь под впечатлением от того, что случилось в Париже. И, признаться, чувствую вину, что силой не увёз вас из города, – произнёс Анри.

– Если бы вы это сделали, месье Триаль был бы мёртв, – сказала Мадлен, добавив про себя: «И Калёб тоже».

– Вы правы, Мадлен, месье Триаль обязан вам жизнью. Но позволю дать вам совет: в мире много людей, нуждающихся в помощи, но, спеша им на помощь, вы рискуете лишиться собственной жизни.

– И что вы предлагаете? Закрывать глаза на чужие беды? – нахмурилась Мадлен.

– Я лишь пытаюсь сказать, что вам не следует нести ответственность за всех, кто вас окружает. Вы не виноваты в их бедах, а значит, должны в первую очередь думать о себе.

– Не все в этом мире, месье, думают лишь о собственном благе, – разозлившись на слова Наваррского, произнесла Мадлен.

Анри примирительно поднял вверх раскрытые ладони.

– Не горячитесь, Мадлен, я не хотел задеть ваших чувств. Кроме того, я всё больше и больше удивляюсь, наблюдая за вами. Знаете, та наша встреча наедине заставила меня взглянуть на вас по-другому.

– Как же? – удивилась фрейлина.

– До этого, признаться, я видел в вас робкую овечку, желавшую любви и защиты. Ваш отказ, не скрою, задел мою гордость, но указал на истинную суть вещей, – хитро улыбнулся Анри. – Вы не овечка, Мон Этуаль. Вы чародейка. Вам ничего не стоит заманить красотой несчастного юношу в свои сети и заколдовать его, чтобы он потерял от вас голову, – нагнувшись ближе к Мадлен, Наваррский понизил голос. – Вам не нужны его ласки, его обещания. Вы будете наслаждаться его страданиями, держа на расстоянии, не подпуская к себе. Признайтесь, такой поворот вам ближе?

– Вы ошиблись, месье, – холодно ответила девушка. – Я бы не хотела, чтобы несчастный юноша страдал. Любовь должна дарить радость, а не слёзы. Но счастье это должно быть взаимным, чистым. Его нельзя заменить похотью, неверностью. Поэтому ваши выводы обо мне совсем не похожи на правду. Вероятно, вы попытались объяснить мой поступок, равняя меня с собой. Но я не вы. Я умею отличить любовь от плотского желания. И для меня первое намного ценнее второго.

Довольно улыбнувшись, Анри откинулся на спинку сиденья.

– Мадлен, вы продолжаете оставаться для меня загадкой, – усмехнулся он, не спуская с девушки лукавых глаз. – Но вы ведь понимаете, что я приложу все силы, чтобы её разгадать.

– Не уверена, что у вас получится, – ответила Мадлен, смущаясь его пристального внимания.

– Я не привык в себе сомневаться, Мон Этуаль, – игриво ответил Анри. – Поэтому, помните моё слово, однажды я сумею заглянуть в Вашу душу. И раскрыть эту очаровательную, завораживающую тайну под именем Мадлен Бланкар.

Когда карета подъехала к крыльцу замка Блуа, кучер остановил лошадей. Наваррский первым выбрался из кареты и подал фрейлине руку. К огромному облегчению девушки, в этот час перед замком почти не было людей. А те, что мелькали во дворе, были заняты своими делами и не обращали внимания на очередную прибывшую карету. «Это хорошо, что никто не видел, как я прибыла в замок вместе с Анри. Иначе по дворцу поползли бы новые сплетни».

– Не припомню, чтобы бывал здесь раньше. Ну ничего, освоюсь, – усмехнулся Анри.

Наваррский поднялся на крыльцо и вскоре скрылся за дверьми замка Блуа. Немного подождав, Мадлен направилась следом, желая доставить королеве ягоды и как можно быстрее оказаться в своих покоях.

К ночи уставшая Мадлен наконец добралась до постели. Устроившись в кровати, девушка довольно улыбнулась: «Я уже стала забывать, что такое жить в замке, а не в походном шатре». Дневник Нострадамуса, возвращённый с таким трудом, девушка по привычке спрятала себе под подушку.

Фрейлина уже готовилась отойти ко сну, когда в дверь её комнаты кто-то тихо постучал. Открыв глаза, Мадлен с удивлением подумала: «Кто бы это мог быть в такой-то час?» Выбравшись из кровати, девушка осторожно подошла к двери и открыла её. На пороге, боязливо озираясь по сторонам, стояла Жизель. Впустив фрейлину в покои, девушка с удивлением заинтересовалась:

– Что ты здесь делаешь?

Удручённая и непривычно печальная Жизель плотнее прикрыла за собой дверь.

– Я узнала то, о чём ты просила.

– Правда? – не поверила Мадлен. – Рассказывай, только ничего не упусти.

– Сегодня на совете долго обсуждалась возможность войны с де Гизом, – начала Жизель. – Но этот план был признан несостоятельным. И тогда Его Величество решил пойти на хитрость. Он желает заманить де Гиза сюда, в Блуа. И... покончить с ним. Но сделать это он хочет руками Наваррского, чтобы разом избавиться сразу от двух соперников.

Слушая Жизель, Мадлен беспокойно сжимала подол ночного платья. «Король встал на опасный путь. Убийства де Гиза и Наваррского не пройдут для него даром. В итоге его возненавидят все: и католики, и протестанты».

– Как тебе удалось всё это разузнать? – спросила Мадлен.

– Это было трудно, остального не расскажу. Я сделала то, что ты хотела. Ты обещала больше никогда не поднимать разговор о нас с Пьетро.

– Даю слово, я никому и никогда об этом не расскажу, – пообещала Мадлен.

– И я должна верить твоему слову? – возмутилась Жизель. – Не очень надёжно.

– Большого я предложить не могу, – ответила Мадлен.

Тяжело вздохнув, Жизель недовольно встряхнула головой.

– Буду надеяться на твою честность, – презрительно бросила она, покидая покои Мадлен.

Когда Жизель ушла, девушка призадумалась, в её душе царил беспросветная тьма. «Генрих задумал опасную недобрую игру. Да, де Гиз его извечный враг, но вместо того, чтобы сражаться с ним, король стремится пойти на подлость, – эта мысль по-своему терзала Мадлен, но больше всего её тревожило другое. – И король, и герцог де Гиз – оба ненавидят друг друга,

строят козни Анри. Знает ли он о том, что над ним нависла угроза?» Сама не понимая отчего, девушка страдала, переживая за судьбу герцога Наваррского. «Почему мне так беспокойно? – не понимала она, – Анри – соперник короля. Он тот, кто может и желает отнять у него корону. Я поклялась Екатерине оберегать жизнь Генриха, но тогда отчего я волнуюсь за судьбу Наваррского?» Эти тяжёлые думы совсем не нравились Мадлен. Она пыталась найти им объяснение, но каждый раз прерывалась, случайно вспоминая обольстительную улыбку Анри и его лукавый взгляд. Не желая признавать того, что Наваррский всё чаще становится гостем её мыслей, девушка встряхнула головой. «Мне просто жаль его, – понимая, что это не так, убеждала себя Мадлен. – И, чтобы избавиться от угрызений совести, я предупрежу Анри о грозящей ему опасности». Решив, что нашла решение проблемы, мадемуазель Бланкар легла в постель.

Глава 7. Грехи прошлого

Душа вторая ищет дома, тепла родного, забытого.

Мадлен долго пыталась уснуть, но уставшее тело, словно обретя второе дыхание, никак не желало отходить ко сну. Тогда, сев на кровати, девушка вспомнила, что давно не открывала дневник деда. «Пора бы вновь заглянуть в прошлое», – подумала она. Достав из-под подушки старую книжицу, Мадлен открыла её и покрутила в руках. Видение не заставило себя долго ждать.

Перед внутренним взором Мадлен распахнулась комната Нострадамуса. Сгорбившись, старик сидел за столом и корпел над своим дневником. Выводя чернилами каждую новую строчку, Мишель тихо проговаривал её вслух.

«С тех пор, как я принял силу, дарованную Абракссом, жизнь моя изменилась. Я навсегда покинул Ажен и отправился странствовать. Несколько лет я одиноким путником бродил по дорогам Франции, помогая тем, кого встречал на пути. Меня прозвали лекарем-отшельником. Слухи о моих способностях к врачеванию разошлись по всей стране. Встречи со мной искали и бедняки, и аристократы. Каждый из них верил, что я обладаю невероятным талантом к исцелению. Но никому и никогда я не рассказывал о даре предвидения, пока однажды в 1542 году не встретил Екатерину...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.